ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (2434) Суббота, 26 июня 1948 г. Цена 40 коп.

Творческий труд сельской интеллигенции

В районных центрах, в тысячах сел и деревень, в колхозах, в совхозах, в школах, избах-читальнях, МТС, зональных научных станциях под руководством партии Ленина — Сталина, в единстве с народом, творит великое дело строительства коммунизма армия советских интеллигентов. Есть среди них работники стародавних профессий — учителя, агрономы, врачи, ветеринары, землеустроители. Появились и люди совсем новых профессий, рожденных практикой социалистического общества: селекционер, механик машинно-тракторной станции, избач, лаборант складов заготзерна, мелиоратор, электрификатор, дорожный техник. В районной газете работают журналисты. Работники государственных и общественных учреждений, школьный инспектор, районный финансист и районный плановик, — обширны, многообразны кадры сельской интеллигенции! Она живет единой жизнью с народом, она нераздельная часть народа; культурная его сила. «Это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара», — сказал товарищ Сталин.

Люди интеллектуального труда работают в стране, где исчезло слово провинция, как символ тупости, одичания, бескультурья. «Сейчас, — по словам М. И. Калинина, — нет у нас «медвежьих» углов, сейчас каждый уголок нашей страны думает: он — частица Москвы». Во всех областях, районах нашего обширного государства идет процесс творчества, процесс созидания. В нем участвуют миллионы советских людей.

За годы сталинских пятилеток в советской стране произошла невиданная в истории культурная революция. Петербург, Москва, два-три университетских города — вот и все культурные центры нашей страны до революции; вокруг лежала глухая «уездная» Россия, которую с потрясающей силой запечатлел А. М. Горький в «Городке Окурове».

Сейчас не только Москва и все пятнадцать столиц союзных республик, но и каждый областной город, каждый районный городок стал подлинным очагом внедрения коммунистической культуры в глубинные пласты страны.

Учитель Н. Виткович из маленького города Клинцы, Брянской области, написал новый учебник географии для четвертого класса. На всероссийском конкурсе Министерства просвещения РСФСР его учебник получил премию в 20 тысяч рублей. Всесоюзные медицинские сборники и журналы охотно печатают научные труды врача Н. Соколова из Тетюшской районной больницы Татарской республики.

Врачи Д. Соколов, И. Киселев, учительницы сестры Преображенские, собственный корреспондент воронежской «Коммуны» в Калачеевском районе Моденов, библиотекари Д. Кравченко, И. Смирнов, агроном I. Ворона, литературные портреты которых печатались на страницах нашей газеты, — активные строители коммунистического общества. «Провинция» не мешает, а содействует их творческому труду, ибо они живут в народе, с народом, для народа.

Интеллигент в районе — пропагандист, общественник по самому складу души. Творческий человек, он — всегда на первой линии борьбы. Когда колхозники берутся за устройство лесозащитных полос, за разбивку мичуринского сада, за организацию колхозного лектория, к ним на помощь приходит учитель, врач, агроном.

Велика и благородна роль сельской интеллигенции в деле коммунистического воспитания народа, в поднятии культуры советского крестьянства! В Овручском районе, Житомирской области, интеллигенция обратилась с призывом к колхозникам — создать в каждом селе клуб. Обком партии одобрил эту ценную инициативу. Сейчас во всех селах области, опустошенной войною, построены заново и капитально отремонтированы клубы. В соседней, Винницкой области, по почину интеллигенции колхозники взялись за строительство и ремонт больниц, родильных домов, амбулаторий.

На Алтае, в Славгородском доме культуры каждую неделю устраиваются «четверги», — люди разных профессий сходятся, чтобы прослушать лекцию, посмотреть новую кинокартину, побеседовать о своей работе. В селе Белый Берег Малинского района, Житомирской области, клуб, которым уже 27 лет бессменно руководит П. Соболь, стал подлинным центром политической и культурной жизни населения. В его агитколлективе, кружках, лектории активно работают 60 сельских интеллигентов.

Первейший долг местных партийных организаций — поощрять эту плодотворную дружбу интеллигентов села, района, развивать работу клубов, домов культуры, читален и библиотек, помогать учителям, врачам, агрономам в политическом образовании, в культурном просвещении народа.

Послевоенные годы ознаменованы грандиозным патриотическим под'емом нашего колхозного крестьянства. Выросли и действуют на пользу социализма могучие духовные силы народа. В борьбу за высокий урожай на больших площадях включились миллионные массы.

Судьба урожая зависит теперь не только от физических усилий землепашца, но и от большевистского дела и пламенного слова советского агронома, механизатора, учителя, от их воинствующей борьбы против частнособственнических пережитков в сознании людей.

В этих условиях советский интеллигент получает широчайшие возможности проявить все свои лучшие качества, — быть застрельщиком нового, пропагандистом опыта передовиков, организатором хозяйственного укрепления колхозов, борцом с лодырями и тунеядцами, со всем косным, что мешает и противодействует народному движению.

Сельские интеллигенты обязаны смелее поддерживать новаторские начинания колхозников-опытников. Пусть агроном, ветеринар, зоотехник, лесовод видят в них своих первых помощников в борьбе за высокие урожаи, любовно помогают новаторам, передают им агротехнические знания. В этом залог мощного под'ема сельского хозяйства страны, залог роста рядов нашей колхозной интеллигенции.

Советскому писателю дороги и близки великие дела сельского интеллигента. Во многих произведениях советской литературы любовно запечатлены образы интеллигентов городов и сел нашей страны. С полным правом можно назвать романом о районе «Счастье» П. Павленко. Когда-то, в далекие времена царской России, Ялта была великосветским курортом, пристанищем модных хлыщей, среди которых резвились «Ариадны» и тосковали «дамы с собачкой». Павленко изобразил Ялту как центр сельскохозяйственного района. Демобилизованный офицер Воропаев, ученый винодел Широкогоров — высокообразованные люди — нашли среди людей колхозов и совхозов своих истинных друзей, источник неувядаемого оптимизма, цель жизни. В рассказах В. Овечкина, в пьесе Н. Вирты «Хлеб наш насущный» и в других произведениях мы видим новых советских людей — работников интеллигентного труда, питомцев партии большевиков, патриотов своего района, колхоза, поселка.

Нельзя забывать, что колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции неустанно выдвигают из среды народа новых интеллигентов. Колхозник-опытник, колхозные зоотехники, механики МТС, электрики — это молодые кадры народной интеллигенции. Они рождаются не только в аудиториях университетов, но и в поле, в хателаборатории... Долг советской литературы — изобразить этот исторический процесс в жизни народа.

В радостном трудовом порыве борется за досрочное выполнение пятилетнего плана советский народ! Социалистическая промышленность дает стране все больше и больше угля, металла, машин, товаров широкого потребления. На полях зреет богатый урожай. В колхозы поступает все больше машин, автомобилей, удобрений. Растет и ширится многотысячное движение борцов за высокие урожаи на больших площадях. Вырастают новые культурные, благоустроенные села, рабочие поселки, школы, больницы, клубы, библиотеки.

В едином строю борцов за пятилетку самоотверженно, вдохновенно работает сельская интеллигенция, плоть от плоти народа, интеллигенция, воспитанная великой партией Ленина—Сталина.

А. ФЕДОРОВ — Партийный билет

Что представлял собой в то время подпольный обком партии?

Посмотреть со стороны — маленькая группа людей из числа нескольких сот партизан. Ничем особенным не отличались они, эти люди, от массы. Не все занимали высокие посты. А по одежде, по манере держаться, по строю жизни — такие же партизаны, как и другие.

Но когда эта группа уединялась, все кругом знали, что собрался обком: значит, решаются важные вопросы жизни всего отряда, а, может, и не только отряда. Не обязательно секретные, но уж непременно важные, очень серьезные вопросы.

Когда вызывает обком, любой партизан, будь он партийный или беспартийный, подтягивается, собирается с мыслями, просматривает свои блокнотные заметки...Ну, а если чувствует за собой какой-нибудь проступок, может и сильно струхнуть...

Не только рядовые партизаны — командиры, лихие вояки, когда скажут им, что вызывают на заседание обкома, — бросают дела и, все равно, день или ночь, далеко ли, близко ли, немедленно отправляются в путь.

Даже из других, не подчиненных нашему командованию отрядов, из сел, где и нет никакого отряда, из Нежина, да что там из Нежина, из самого Чернигова может вызвать обком человека. И, если вызванный человек враг немцам, если он хочет активно бороться, обязательно пойдет. Оставит жену, детей и с риском для жизни будет пробираться в тот лес, где находится сейчас обком.

Кто же эти люди, члены обкома? Откуда у них такая власть над душами человеческими?

То, что члены подпольного обкома были в свое время избраны в легальный Черниговский обком, а большинство из них позднее утверждены Центральным Комитетом партии в качестве руководителей народной борьбы в тылу врага, имело, конечно, немаловажное значение. Но это не полностью об'ясняет, откуда у этих нескольких человек такой авторитет и влияние в массах.

Истинное об'яснение в том, что рабочие, крестьяне, интеллигенция в подавляющем большинстве понимали, что на оккупированной земле есть только **одна сила, одна организация**, способная противостоять оккупантам, — **коммунистическая партия.**

Даже в отрядах, не организованных заблаговременно, — в группах окруженцев или бежавших пленных, среди крестьян, возмущенных зверствами немцев и ушедших в леса, — если были коммунисты, способные руководить, они становились командирами.

В условиях оккупации особенно ярко проступали в человеке черты подлинного большевика, проверялись его убежденность, преданность коммунистической идее.

Народ это понимал отлично. Народ любит в большевике прямоту, смелость, последовательное проведение намеченной программы.

В отряд приходили из окруженцев и бежавших пленных люди, о которых мы ничего не знали.

Часовым на заставах не вменялось в обязанность опрашивать пришельцев. Часовой должен был доставить их дежурному командиру или вызвать командира. Но часовые просто из человеческого интереса забрасывали всякого новичка вопросами. И одним из первых вопросов, который ему задавали, был:

— Член партии? Комсомолец?

И партизаны, даже беспартийные, всегда радовались утвердительному ответу. Радовались и потому, что получают сильного, преданного товарища.

Никаких дополнительных прав или преимуществ в сравнении с беспартийными коммунисты-партизаны не имели. Не было у нас даже такого формального признака членства, как партийный билет. По решению обкома, все, кто пришел в отряд с партийными или комсомольскими билетами, сдавали их комиссару. В одной из баз был спрятан сейф. Все партдокументы мы сложили в него и закопали. У секретаря отрядной парторганизации товарища Курочки был список членов и кандидатов ВКП(б), секретарь низовой организации ЛКСМУ Маруся Скрипка составила такой же список комсомольцев.

За все время партизанской борьбы у нас было только два случая, когда вступавшие в отряд скрыли свою принадлежность к партии. Обычно же члены партии и комсомольцы, как только их зачисляли в отряд, шли к секретарю низовой организации и просили принять их на учет.

Процедура для этого была установлена довольно сложная. Как правило, пришедшие не имели партийных и комсомольских билетов. Это не ставилось им в вину. Но для того, чтобы доказать свою партийность, товарищ должен был найти трех свидетелей—членов партии, которые могли бы подтвердить, что он действительно состоял в такой-то организации.

Ко мне однажды обратились с удивительной жалобой четыре бойца из первого взвода. Подошли все вместе, и один из них так и сказал:

— Мы до вас, товарищ Федоров, с жалобой на Курочку Ивана Маркьяныча...

— Так ведь Курочка не ваш командир. Чем он вам насолил?

— Мы до вас, как к секретарю обкома...

Все четверо беспартийные. Ждал, что заговорят они о неполадках в лагере, личных притеснениях, грубости. Нет, они явились по сугубо партийному, даже внутрипартийному делу.

— Власенко вам, Алексей Федорович, известен?

— Знаю такого. Пулеметчик?

— Он самый, точно, Петро Власенко из Карповки.

— Мы с ним односельчане, — вступил в разговор второй боец. — Прибыл он в отряд скоро месяц. К нам в отделение записан и живет в той землянке, где и мы. Замечаем—сильно удрученный ходит Власенко. День, другой в таком положении. Даже в бою не тот. Мы, как земляка и друга, пытаем: «Какая причина?» Отмахивается, умоляет не приставать. Все-таки мы добились. «Помните, — говорит, — хлопцы, меня ведь еще в тридцать девятом приняли в партию, известно вам это?» «Ну, а как же, естественно, помним». «А теперь не признают. Курочка отказывается взять на учет. Я свой билет закопал при выходе из окружения. Пошел бы на то место, да ведь триста километров, не меньше».

Третий боец с жаром подхватил:

— Со стороны Курочки проявлена форменная волокита. Он, товарищ Федоров, должен учесть, что обидно человеку. Мы подтверждаем: действительно, состоял. В селе проявил себя активно: на собраниях агитировал, в огородной бригаде раз'яснял газеты; внимательно относился. Я, к примеру, сам видел, что до войны Петро «Краткий курс» изучал. Мы секретарю парторганизации Курочке все это высказали, как свидетели. А вышло хуже.

— Не признал?

— Нет. Вы, говорит, не имеете прав. Если бы, говорит, Петро Власенко был действительно в партии, он бы к вам, беспартийным, по такому делу не обратился.

Я перебил жалобщиков:

— Но ведь вы же не знаете обстоятельств дела. Власенко был в армии. Возможно, что там провинился и его исключили.

Четвертый боец, который все время молчал, счел нужным вмешаться:

— Я с ним вместе из окружения выходил. Мы с Власенком из одного взвода. Не слыхал я об его исключении. Это вы неверно, товарищ Федоров, предполагаете. Власенке и выговора не было.

Я заинтересовался, почему товарищи так ревностно отнеслись к делу Власенко.

— Во-первых, человек волнуется. Мы сочувствуем.

— Ну, а во-вторых?

— А во-вторых, — главное. Нет у нас в отделении ни одного члена партии. Как вы думаете, имеет это для нас значение, а, товарищ Федоров? В-третьих, — справедливость.

Я рассказал жалобщикам, какой установлен порядок для включения в списки.

— К сожалению, товарищи, и я ничего не могу сделать. Нарушать установленный обкомом порядок мне права не дано.

Кажется, я их не убедил. Ушли они определенно недовольные. Тот из товарищей, который вместе с Власенко выходил из окружения, минут пять спустя вернулся ко мне:

— А скажите, Алексей Федорович, если я в партию войду, тогда можно мне будет за Петра вступаться?

— Только для того и в партию хочешь вступить?

Он посмотрел на меня удивленно и ответил со всей серьезностью:

— Я так предполагаю, что вы шутите, товарищ Федоров. Надо быть глупым, чтобы подавать в партию по одному этому делу. Заявление я написал еще в полку, но подать не успел. Рекомендации у меня сохранились.

— Ты где в окружении был?

— Под Киевом. Мы с Петром больше трех месяцев добирались, пока партизан нашли.

— И ты все время носил с собой рекомендации?

— Носил.

— Власенко, значит, закопал свой партбилет, а ты рекомендации при себе держал?

— Точно.

Сообразив, что это в невыгодном свете показывает его товарища, он спохватился и добавил:

— Так все ж таки разница, Алексей Федорович. У Петра членский билет, а у меня заявление только в кандидаты.

— Дай-ка сюда, покажи.

Он снял шинель, отпорол на спине подкладку и вынул аккуратно сложенные, завернутые в компрессную бумагу три рекомендации, заверенные печатями парторганизаций, и свое заявление.

— Измял, Алексей Федорович, — сказал он виноватым голосом. — Эта вот писана ныне убитым лейтенантом Вороньком. Эту сам полковник, товарищ Гоперидзе мне дал, а третья как раз от Власенки. Он был у нас первым номером, на пулемете, а я вторым. Он меня в партию и сагитировал.

Я просмотрел бумаги. Потом внимательно взглянул в глаза бойцу. Нет, невозможно было предположить, что все это заранее придумано. Тем более, что вместе с заявлением и рекомендациями у него были завернуты фотографии жены, детей и грамоты райисполкома за отличную работу в колхозе.

— Ну, чудаки ж вы, ведь вот доказательство, — я показал бойцу рекомендацию Власенки. — Тут даже номер членского билета и с какого года член партии — все сказано. Зови своего дружка и скажи, чтобы тебя благодарил.

Надо было видеть, с какой радостью он меня слушал.

— Верно, верно, чудаки мы. Ведь отчего мы болели, Алексей Федорович. Человек больно хороший, а так несправедливо из партии выбыл.

Отойдя от меня, он шел сперва медленно, потом ускорил шаг и побежал. Я слышал, как он кричит:

— Петро! Давай сюда, Петро!

Отрывок из II книги записок А. Федорова «Подпольный обком действует».

Слесарь Московского автозавода имени Сталина И. Двукраев готовится стать инженером. Для этого ему не приходится бросать производство. Он учится здесь же, на заводе, в вечернем отделении Института металлопромышленности, которое только в этом году окончили 40 рабочих. На автозаводе, кроме того, есть автомеханический техникум, техническая школа и много различных курсов, где в свободное от работы время обучаются тысячи рабочих.

В процессе учебы слесарь Двукраев стал конструктором отдела гидравлики.

НА СНИМКЕ: будущий инженер И. Двукраев на консультации у старшего преподавателя В. Волкова в кабинете черчения автозаводского отделения Института металлопромышленности.

Фото В. Ковригина (ТАСС).

За образцовую книгу

НА СОБРАНИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ РАБОТНИКОВ ЛЕНИНГРАДА

После войны деятельность ленинградских издательств значительно возросла. Только в 1947 году в Ленинграде вышло в свет более 2.500 книг, а их общий тираж составил шестьдесят миллионов экземпляров.

Однако, наряду с достижениями в ленинградских издательствах имеются серьезные недостатки и ошибки. О них много говорилось на состоявшемся на-днях собрании издательских работников Ленинграда.

Заведующий сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б) А. Дементьев в своем докладе подчеркнул недопустимость благодушия и безответственности, которые еще имеют место в работе ленинградских издательств. Отделение Госполитиздата, например, выпустило книгу Я. Розенфельда «Промышленность США и война», извращающую ленинскую теорию империализма и идеализирующую американскую экономику. В ленинградском отделении издательства «Советский писатель» вышла осужденная общественностью книга проф. А. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского». Издательством Ленинградского университета издана порочная работа академика В. Шишмарева, восхваляющая космополитизм А. Веселовского, а также ошибочная книга проф. В. Проппа об исторических корнях волшебной сказки, в которой отрицается национальное своеобразие русского фольклора.

В ряде ленинградских научных учреждений под маркой «научных трудов» и «ученых записок» нередко выходят никому не нужные, а то и просто вредные работы.

Факты и примеры, которые приводились в развернувшихся прениях, подтвердили положения доклада А. Дементьева.

Проф. В. Мавродин сравнил издательство Ленинградского университета с почтовым ящиком. Здесь принимается и издается все, что только порекомендуют кафедры, без серьезного критического подхода к рукописям.

Заместитель директора ленинградского отделения издательства «Советский писатель» А. Узилевский проиллюстрировал на конкретных примерах безответственность некоторых издательских рецензентов.

В конце собрания выступил секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде Н. Синцов, подчеркнувший значительную роль издательств в общей борьбе за восстановление Ленинграда как крупнейшего культурного и научного центра страны. Он сказал, что многие работники издательств не сделали еще необходимых выводов из исторических постановлений Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам.

— В Ленинграде, — заключил свою речь Н. Синцов, — имеются все возможности для образцовой издательской деятельности. Мы должны добиться, чтобы каждая книга, выходящая в Ленинграде, была высокоидейной, образцовой по полиграфическому выполнению и доступной по своей стоимости самым широким слоям населения.

По тургеневским местам

Так называется новая кинокартина, законченная недавно Московской студией учебных фильмов по заказу Министерства просвещения РСФСР. Это второй учебный фильм по русской литературе, первый — «Смерть поэта» (о Лермонтове) — был выпущен еще до войны.

Новая кинокартина будет демонстрироваться в школах во время классных занятий, посвященных Тургеневу. Авторы фильма (сценарист Н. Топорков, режиссер П. Малахов) использовали богатый иконографический и музейный материал, показали природу средней полосы России, которую так вдохновенно воспевал великий писатель. Перед школьниками пройдут на экране пейзажи усадьбы семьи Тургеневых — Спасское-Лутовиново, превращенной по декрету Ленина в государственный заповедник. Они увидят долину у Бежина луга, просторы Орловщины, исхоженные Тургеневым во время его охотничьих странствований.

Диктор как бы поведет учащихся по залам орловского музея имени Тургенева, расположенного в здании, где родился писатель. По представленным здесь картинам, портретам, рукописям, письмам и книгам они ознакомятся с этапами жизни и творчества Тургенева.

Фильм рассказывает о погроме, учиненном в усадьбе Спасское-Лутовиново гитлеровскими ордами, оккупировавшими Орловскую область. Фашисты сломали арку у в'езда в усадьбу, разрушили школу для крестьянских детей, которой так гордился Тургенев, превратили в конюшню усадебную церковь, обезобразили склеп, где похоронен дед писателя, изуродовали пистолетными пулями стоявший в парке скульптурный бюст Тургенева. Подвергся надругательству и музей имени писателя в Орле.

Фильм заканчивается кадрами, показывающими тургеневские места после их полного восстановления.

Уполномоченный по проведению плана Маршалла Гофман заявил, что США пошлют в Европу своих «сторожевых псов» для наблюдения за выполнением американской программы «помощи». (Из иностранной печати)

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Уолл-свора — сторожевые псы и щенки доллара: Гофман, Гарриман, Клей, Бевин, Бидо, Спаак и пр.

КОЛЫБЕЛЬ РУССКОЙ ХИМИИ

В Ленинграде построен макет первой русской химической лаборатории, основанной М. В. Ломоносовым. Макет воспроизводит во всех деталях обстановку этой колыбели русской химии, двухсотлетие которой отмечается в 1948 году.

Как сообщил нашему корреспонденту академик С. И. Вольфкович, недавно в архивах обнаружены новые материалы, дополняющие наше представление о характере и условиях работы первого русского химика. Эти материалы показывают, как Михайло Васильевич, несмотря на скромное оборудование своей лаборатории и незначительные средства, отпускавшиеся на ее содержание (не более 200 рублей ежегодно), осуществил выдающиеся исследования, и поныне восхищающие своей теоретической глубиной и практическим значением. Ломоносов занимался металлургией, анализом природных солей и руд, сам готовил химические реактивы, получал различные краски, разноцветные стекла, мозаику, глазурь, фарфор. Основатель современной физической химии, автор основного закона естествознания — закона сохранения материи, открытого им задолго до Лавуазье, Михайло Васильевич на 100—150 лет опередил свое время, — он еще тогда предвидел, сколь «широко распространяет химия руки свои в дела человеческие».

Претворению в жизнь этого замечательного предвидения во многом содействовали поколения русских химиков, на протяжении двух веков изумлявших мир своими открытиями. Имена Ломоносова, Менделеева, Бутлерова и других богатырей русской химии в такой же мере символизируют величие русской науки, как Пушкин и Толстой, Чайковский и Римский-Корсаков, Репин и Суриков — славу и гордость русского искусства.

Говоря о приоритете русских химиков в открытии фундаментальных законов природы, академик Вольфкович отмечает, что русские явились зачинателями и в области химической техники. Тем не менее, до Октябрьской революции в нашей стране насчитывалось не более 1000 химиков. Это дало повод некоторым ученым для насмешливого утверждения, что химик в дореволюционной России «был нечто более редкое, чем редкий элемент неон». Широко распространила химия руки свои в дела человеческие лишь в Советском Союзе, где возникли десятки новых химических, школ и крупнейших институтов, в которых работают уже не одиночки, а крупные коллективы ученых, вооруженные передовой исследовательской техникой.

Достижениями советской химии ныне пользуются строители самолетов и судов, станков и моторов, нефтяники, геологи, металлурги и текстильщики. Так называемые экспресс-лаборатории, созданные на каждом металлургическом заводе, применяют новейшие физические методы исследования металла — спектральный и рентгеновский анализ. В некоторых лабораториях существует наиболее совершенный метод исследовательской техники — электронная микроскопия, дающая увеличение исследуемого об'екта до двухсот тысяч раз.

В огромных размерах используется продукция химической промышленности в социалистическом сельском хозяйстве. К концу пятилетки колхозы и совхозы получат более 5 миллионов тонн минеральных удобрений.

— Свидетельством новых творческих достижений советской химии, — говорит в заключение академик С. И. Вольфкович, — служит опубликованное недавно постановление правительства о присуждении почетного звания лауреатов Сталинской премии маститым ученым нашей страны — достойным преемникам великих идей русского химика М. В. Ломоносова.

* * *

Осенью 1948 года в Ленинграде будет проведено торжественное заседание, посвященное двухсотлетию первой русской химической лаборатории.

И. ДОНСКОЙ

Новаторство и предельчество

Письмо из Магнитогорска

Мы подошли во-время. Сталь уже лилась. Мне дали синее стекло. Сквозь него река металла казалась молочно-голубой. Металл шел по двум рукавам в огромные ковши.

— Это выпускают плавку из большегрузной мартеновской печи, — сказал мне мой спутник — главный сталеплавильщик комбината, лауреат Сталинской премии, инженер Я. А. Шнееров.—Сразу 370 тонн. Таких печей вы не увидите ни на одном заводе, кроме Магнитогорского и Кузнецкого.

Через несколько минут начался выпуск стали из другой, 185-тонной печи. На этот раз плавка уместилась в одном ковше. Внешне обе печи были абсолютно одинаковы. — В чем же секрет? — спросил я.

Шнееров напомнил мне нашу первую встречу в 1936 году в Мариуполе. Он был тогда начальником мартеновского цеха завода им. Ильича. Это были памятные для советской металлургии годы, когда сталевар Макар Мазай поставил свои знаменитые рекорды. Достижения Мазая не были случайными. Они явились результатом совместной творческой работы стахановца и инженера. Талантливый, мыслящий инженер Шнееров тогда впервые в практике металлургии смело углубил ванну мазаевской печи, несмотря на все разговоры «осторожных» людей о том, что металл не проплавится, что печь быстро выйдет из строя. В шестидесятитонную печь инженер и стахановец стали загружать по сто тонн металла. Это, а также блестящая организация работы бригады, осуществленная Мазаем, привели к невиданно высокой производительности: при нормальном с'еме с квадратного метра пода печи в 4—4,5 тонны Мазай снимал двенадцать и более тонн.

Успехи мариупольцев получили высокую оценку Серго Орджоникидзе, — они вскрыли огромные резервы сталеплавления. В своей телеграмме Мазаю в ноябре 1936 года товарищ Орджоникидзе писал: «Все это сделано на одном из старых металлургических заводов. Это говорит об осуществимости таких с'емов, тем более это по силам новым, прекрасно механизированным цехам. Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого с'ема, а о подготовленности и организованности людей».

Сталеплавильщики Магнитогорска в широком масштабе применили опыт мариупольцев 1936 года.

— Мы и здесь, — сказал Шнееров, — вопреки учебникам, углубили ванны и 185-тонные печи превратили в 300—330—350—370-тонные. Теперь почти половина мартеновских печей в Магнитогорске и в Кузнецке работает с таким весом плавок.

— И давно?

— Переходить на большегрузные печи в Магнитогорске начали в 1938 году. Теперь уже имеется хорошо налаженная система питания печей и есть много превосходных сталеваров, научившихся работать на таких печах. 370-тонная печь освоена. Мы плавим в ней любые марки сталей. Экономические показатели больших печей намного лучше малых. Экономятся топливо, огнеупоры, сталь получается более дешевой.

Шнееров назвал цифры.

— Этот тип печей, вероятно, будет преобладающим в строительстве новых заводов в этой и будущей пятилетках?

Мой собеседник задумался.

— Не знаю. Утверждать не могу.

— Что же,—сконструировали еще лучшие?

— Нет, как будто более производительных печей еще нет. И серьезных возражений против того, что мы делаем, мы тоже не слышали. Но...

Затем я услышал взволнованный рассказ о Всесоюзном совещании доменщиков и сталеплавильщиков, состоявшемся два года назад в Магнитогорске. На совещании обсуждался вопрос о так называемом «нормальном типовом ряде» мартеновских печей, то-есть, по существу, определялась техническая политика в производстве стали на много лет. Докладчики — представители двух основных проектных институтов —Гипромеза и Стальпроекта — инженеры М. М. Трубецков и И. Н. Лурье признали высокие преимущества большегрузных печей и тем не менее... не включили большегрузные печи в так называемый «нормальный типовой ряд». О причинах этого удивительного обстоятельства резко и прямо сказал на конференции тов. Шнееров. Проектировщики столь же заражены предельческими настроениями, сколь нелепым преклонением перед Америкой,—заявил он. «Неуверенность в вопросе о влиянии веса садки на качество металла, а также нежелание отойти от американских норм ограничили проектные организации при выборе емкости печей... Мы накопили опыт эксплоатации больших печей и интенсификации их работы, и устанавливать предел емкости печей на основании практики США—неосновательно». Шнееров доказывал необходимость довести емкость печи до 440 тонн. Такой печи мировая практика не знает.

Об отличных результатах работы большегрузных печей доложили совещанию и представители Кузнецкого комбината.

Резкую критику позиции Гипромеза и Стальпроекта в отношении большегрузных мартеновских печей дал в своем выступлении директор Магнитогорского комбината тов. Г. И. Носов:

«Каков общий вывод из опыта двух заводов? Первое, увеличивая емкость печи до 320—350 тонн, мы значительно повышаем производство стали. Второе, расход топлива, кирпича и других материалов на больших печах значительно ниже, чем на 180-тонных. Третье, на печах большого тоннажа можно получить металл любого высокого качества. Правда, это третье положение — частное мнение сталеплавильщиков Магнитогорска, но это мнение подкреплено миллионом тонн высококачественной стали, сваренной в печах этого завода...

Если мы станем на точку зрения инженера Трубецкова, то мы должны будем остановиться на достигнутом, то-есть топтаться на месте и, следовательно, отставать. Решение большой задачи, которую поставил перед нами товарищ Сталин, — доведение годовой выплавки стали через пятнадцать лет до 60 миллионов тонн, — требует выбора иных путей. Старые позиции — консервативные позиции... Нужно двигаться вперед».

Включило ли, однако, совещание большегрузную печь в «нормальный типовой ряд»? Нет. Совещание отделалось гуттаперчевым решением от того большого, нового, что внесли в науку сталеплавления новаторы Магнитки и Кузнецка. «Отмечая успешный опыт Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов по строительству и эксплоатации мартеновских печей емкостью в 300 — 370 тонн, считать допустимым дальнейшее строительство таких печей на отдельных заводах, где по местным условиям баланс стали не может быть сведен путем строительства печей меньшей мощности.

Вопрос о включении таких печей в нормальный типовой ряд может быть решен после всестороннего изучения качества выплавляемой в них стали и технико-экономических показателей их работы».

Вот сколько оговорок в нескольких строчках резолюции! Стало быть, высокопроизводительные и экономические печи следует строить только в... крайних, исключительных случаях!

Итак, официальный аргумент против большегрузной печи—качество. Несостоятельность этого аргумента очевидна. В распоряжении совещания был многолетний опыт Магнитки и Кузнецка. Здесь выплавляли в больших печах самые сложные марки стали, вплоть до брони. И при этом получали высокого качества сталь, ничем не уступающую выплавленной в меньших печах.

А после совещания Гипромез продолжал свою «испытанную» линию: для одного крупного металлургического завода он запроектировал новый мартеновский цех из... двухсоттонных печей!

Предельчество и преклонение перед Америкой—вот истинные причины того, почему советская большегрузная мартеновская печь до сих пор не признана Гипромезом и Стальпроектом, до сих пор не включена в «нормальный типовой ряд».

Металлургам предстоит пройти большой путь. Они должны поднять выплавку стали до 60 миллионов тонн. Начинается строительство новых больших заводов. Признают ли, наконец, проектировщики практический опыт советских металлургов, и долго ли еще большегрузные печи будут оставаться на положении незаконнорожденных?!

Дмитрий СТОНОВ

НАШ ДОКТОР

1.

О доброй славе мышкинского доктора Соколова — нашего доктора, как его называют в районе, — я услышал еще до того, как познакомился с ним.

В семнадцати километрах от Мышкина, в ожидании парохода, собралось человек пятьдесят. Здесь были колхозники и колхозницы близлежащих деревень, окрестные учителя, агрономы, кооператоры, работники МТС, рабочие промартелей. Только-только началась навигация, на пристани остро пахло краской. Начал накрапывать дождь, он стучал по крыше, и от этого на пристани, освещенной желтым светом керосиновой лампы, стало уютней, теплей. Был тот вечерний час ожидания, когда незнакомые пассажиры заговаривают друг с другом, когда так приятен и нужен голос рядом сидящего человека. Женщина из деревни Бабайки достала из кармана открытку и сказала:

— Меня наш доктор вызывает на осмотр... В сорок седьмом он меня оперировал и с тех пор каждые полтора-два месяца приглашает к себе. Говорю ему — «ведь я совсем здорова». А он — «считай, что ты ко мне в гости едешь»...

Она обратилась к соседке, но разговор тотчас же стал общим. Все знали Дмитрия Леонидовича Соколова, все были связаны с ним. Одного он оперировал в своей районной больнице, другого лечил в физиотерапевтическом отделении, у третьей принимал ребенка. Его встречали в самых отдаленных селах Мышкинского района, на полевых станах, на торфоразработках, на открытии яслей, на собраниях колхозников, обсуждавших санитарные вопросы, в клубах, где он читал лекции. «Дмитрий Леонидович знает, как открывается каждая дверь в районе»,—заметил старый рыбак, и все закивали, заулыбались—вспомнили свои встречи с Соколовым.

Двести пять медицинских работников трудятся теперь под началом Дмитрия Леонидовича, — главный врач больницы, он заведует и районным здравотделом. Все медработники района ежегодно проводят до тысячи бесед по здравоохранению. Но люди не забыли того времени, когда Соколов почти один обслуживал весь район (в деревнях было тогда лишь два фельдшерско-акушерских пункта, работало всего четыре фельдшера). И если житель Мышкинского района хочет похвалить участкового врача или фельдшера, обслуживающего деревню, он говорит:

— Это — соколовский! По-соколовски работает!

2.

В тот давний январский день 1929 года заведующий отделом здравоохранения развернул карту области.

— Свободных мест много, — сказал он молодому врачу. — Вот, к примеру, Мышкино, районный центр. В тамошней больнице начал свою хирургическую деятельность профессор Александр Рауэр. Теперь, к сожалению, в Мышкине нет хирурга...

Стать врачом Дмитрий Соколов мечтал с юных лет и—сам крестьянин — видел себя то в деревенской избе, где принимал и оперировал больных, то в телеге или санях, которые перевозили его из одного населенного пункта в другой. Годы, проведенные в университете, укрепили и осмыслили эти его мечты: многие профессора начали свою работу в деревне, только там приобрели они разносторонний опыт.

Разговор с зав. облздравотделом решил судьбу Соколова.

— Я еду в Мышкино, — сказал молодой врач. — Я восстановлю хирургическое отделение.

В первые годы он жил в Доме крестьянина, и это дало ему возможность связаться с населением района.

По ночам долго горел свет в докторской комнатке Дома крестьянина. Дмитрий Леонидович занимался, читал и перечитывал привезенные из Москвы книги. Знать, как можно больше знать! Через год это желание привело его на курсы усовершенствования врачей. Ежегодно проводит он свой отпуск в московских больницах. Восемнадцать лет прошло с тех пор, и восемнадцать раз Дмитрий Соколов приезжал в столицу «на каникулы». Он работал у Юдина, у Спасокукоцкого, у Очкина, у Левита. Совершенствуясь, учась, он не забывал ни о персонале своей мышкинской больницы, ни о средних медработниках—фельдшерах и акушерах,—служивших на участках. Вернувшись в тридцатом году из Москвы, доктор Соколов созвал конференцию медработников Мышкинского района, прочел им ряд лекций, рассказал о достижениях столичных больниц. Он привез с собой новые книги, медицинские журналы, и они переходили из рук в руки, передавались из деревни в деревню.

Начиная с этого года, конференции-семинары стали в Мышкине традицией. Раз в месяц в больнице собираются врачи и фельдшеры района, раз в три месяца—все медработники участков.

3.

Давно уже минуло то время, когда больные приезжали в Мышкино лишь «за порошочками». Вернувшись после семинара-конференции на участок, фельдшер поиному начинает относиться к своим обязанностям: как и Соколов, он идет навстречу болезни, старается распознать ее и своевременно направить больного в больницу. Участковые акушерки — их число растет с каждым годом—знают, что Дмитрий Леонидович оценивает их работу по тому, сколько беременных женщин приезжает в Мышкино рожать. Здравоохранение вошло в быт. Разумеется, прежние сорок коек, прежний малочисленный персонал никого не могли удовлетворить.

Надо было подумать о расширении больницы, о количестве врачебных пунктов.

Дмитрий Леонидович явился в Ярославль в облздравотдел и сказал: «В районе выявлено и учтено столько-то больных туберкулезом. Дайте мне врача-туберкулезника, я открою туберкулезное отделение». Он был настойчив, и заведующий облздравом согласился, но свободных помещений в Мышкине не было. Оказалось, Дмитрий Леонидович давно уже облюбовал заброшенное, полуразрушенное здание недалеко от больницы.

Вернувшись из Ярославля, он отправился в райком, в райисполком.

«Отдайте мне этот дом, — сказал Соколов, — я приведу его в порядок».

Просьбу доктора удовлетворили. Немедленно он принялся за ремонт, — сам нашел и плотников, и столяров, и строительный материал. Вскоре полуразрушенное здание вновь стало жилым.

Из «отпуска» Дмитрий Леонидович неизменно возвращается с багажом — оборудованием для больницы. Однажды он привез рентген. «Чудесный аппарат, но вот где вы его установите?» — спросили районные работники. За неделю до этого пожарная команда переехала в новый гараж. И Соколов тотчас же приступил к ремонту старого здания. Гараж преобразился настолько, что даже пожарники его не узнали. Крашеный пол, блестящие, покрытые масляной краской стены, большие, светлые окна.

Ярославские врачи, изредка приезжающие в Мышкино, уверяют, что такому зданию могла бы позавидовать любая областная больница. «А кабины зачем?» — «Здесь будут физиокабинеты» — отвечал наш доктор. Прошло немного времени, и физиотерапевтическое отделение было открыто.

Большой больничный городок расположился вокруг старого земского дома. Родильное отделение занимает специальное здание. В хирургическом отделении открыты онкологическая и гинекологическая палаты. За родильным следует детское отделение, за детским отделением — лаборатория. Вдали от больничного городка, в сосновом лесу, находится здание для инфекционных больных. Собственное хозяйство снабжает больницу молоком и овощами.

Каждый больной заставляет доктора Соколова думать о здоровье всего населения, каждый больной для него — сигнал, предупреждение, призыв к дальнейшей борьбе за народное здравоохранение.

В больницу пришел рабочий мышкинской артели по обработке шерсти. Он страдал гнойничковым заболеванием рук. Оказав больному помощь, Дмитрий Соколов отправился в артель. Выяснилось, что болезнь возникла от употребления кислот, она угрожала многим рабочим. Дмитрий Леонидович пересмотрел процесс работы, ликвидировал очаг заболевания. И о новом обезвреженном процессе работы доктор Соколов сообщил всем артелям района.

Вот он идет по зеленым улицам Мышкина. Рабочий день позади. «Минуточку, — говорит он и останавливается у калитки.— Надо проведать одного дружка, я оперировал его месяц тому назад...»

Сколько таких друзей у Дмитрия Леонидовича Соколова! Везде и всюду его встречают как родного, близкого.

Он стал членом семьи района. И как члена семьи, двадцатитысячное население наградило его любовной характеристикой:

— Наш доктор.

Письма читателей

ВЕРНИТЕ ОБЩЕЖИТИЕ ИНСТИТУТУ

В статье А. Твардовского «О столице и «провинции», напечатанной в «Литературной газете» 12 июня, говорится о молодом специалисте, который, окончив московский институт, работает в столице не по специальности. Пять лет просидел он на студенческой скамье без любви к своему будущему делу, заранее зная, что не намерен применить свою профессию в столице.

А в то время, пока он учился, десятки других, может быть, более достойных и способных юношей и девушек безуспешно пытались попасть в вуз. Они, эти юноши и девушки, — не москвичи. Родственников у них в Москве нет, а общежитие института, в который они хотят поступить, занято посторонними организациями.

Так обстоит дело и в Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства, который готовит специалистов, главным образом, для МТС, совхозов и колхозов.

В ноябре 1941 года, когда институт был в эвакуации, решением исполкома Тимирязевского районного совета Москвы большая часть студенческого общежития—683 кв. м. — была передана райотделу МВД и столовой. Еще во время войны вуз вернулся в Москву. Несмотря на все хлопоты дирекции, общежития студентам не возвратили. После прошлогоднего февральского постановления Совета Министров СССР об укреплении материально-технической базы вузов и улучшении бытового положения студентов,—посторонним организациям, занимающим нашу площадь, было предложено освободить ее к 1 мая 1948 года. Постановление это не выполнено. Сейчас на имеющейся у института жилой площади живет на 200 человек больше нормы, и Госсанинспекция запретила прописку.

Приближается время нового приема в институт, а размещать людей совершенно негде. Если нам не возвратят общежитие, предстоящий набор будет сорван. В институт не попадут те, кто едет в Москву с горячим желанием получить специальность, чтобы быть полезным Родине там, где это ей нужно,—но зато, может быть, попадут случайные люди, у которых нет ни любви к профессии, ни желания уехать туда, где их труд действительно необходим, но есть комната в столице.

Мы просим: верните общежитие институту!

В. ПОПОВ,
председатель профкома МИМЭСХ.
А. ФИЛИППОВ,
председатель студенческого совета при общежитии.

АГРОТЕХНИКУ — В ПРОГРАММУ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

Я — агротехник колхоза «Животновод» села Полтево-Пеньки Кадомского района, Рязанской области. Я горжусь своей специальностью, люблю ее. Опыт работы убедил меня, что элементарные знания по агротехнике и сельскому хозяйству должны быть у каждого колхозника. Но спросите ученика, окончившего сельскую среднюю школу, знает ли он, как обрабатывается почва или как нужно ухаживать за посевами, бороться с вредителями? Можно с уверенностью сказать: он ничего не знает!

Ученики не могут определить качество посевного материала, проверить его на всхожесть, влажность. Они не знают устройства трактора и комбайна, не знают, как посадить плодовое дерево в своем саду, как называются цветы, растущие в полях и палисадниках, какие выращиваются в колхозе сорта ржи, пшеницы.

Иногда можно услышать в ответ, что ученикам начальных и средних школ эти знания и не требуются. Их можно получить в специальных сельскохозяйственных училищах и техникумах. Это неверно. Все учащиеся деревенских школ должны знать сельское хозяйство. Ведь часто, получив среднее образование, они остаются работать в колхозах. Они становятся в ряды колхозной интеллигенции. Но как же они могут работать в деревне, если не знают агротехники?

Наука о сельском хозяйстве интересна, увлекательна и необходима всей нашей сельской молодежи. В сельских школах нужно ввести преподавание агротехники.

Агротехник **М. ФРОЛКИН**

По следам выступлений «Литературной газеты»

«НЕПОЛИВНОЙ ХЛОПОК»

Заместитель министра сельского хозяйства Союза ССР тов. Панасюк прислал в редакцию сообщение по поводу опубликованной в нашей газете заметки под заголовком «Неполивной хлопок».

В заметке излагалось поступившее в редакцию письмо кандидата сельскохозяйственных наук В. Рейнгардта, в котором он сообщал, что в предвоенные годы на юге РСФСР и на Украине без полива ежегодно на сотнях тысяч гектаров выращивались миллионы пудов неорошаемого хлопка. После войны посевы этой ценнейшей культуры резко сократились.

Заместитель министра т. Панасюк в связи с этим сообщает:

С 1948 года развитие хлопководства в неполивных районах Украинской ССР и РСФСР проходит более быстрыми темпами. Площадь под посевами хлопчатника по сравнению с 1947 годом увеличена вдвое.

— Тов. Рейнгардт, — сообщает заместитель министра, — правильно сигнализирует, что в аппарате министерства нет специально выделенных работников по неполивному хлопку. Министерством приняты меры для улучшения руководства делом выращивания неорошаемого хлопка. Приказом по министерству от 17 мая производственно-территориальным управлениям Юга и Северного Кавказа вменено в обязанность установить строгий контроль за своевременным проведением тракторных работ по хлопку в Украинской ССР и РСФСР. В Управлении хлопка Министерства сельского хозяйства СССР создается группа из специалистов-хлопководов, которая будет оказывать помощь районам неполивного хлопкозодства.

Колхоз «Первое мая», Винницкой области, не новичок в выращивании высоких урожаев. В этом году он обязался собрать со всей площади зерновых посевов в среднем по 120 пудов зерна с гектара. Хлеба в отличном состоянии.

НА СНИМКЕ: звеньевая колхоза «Первое мая», Герой Социалистического Труда Н. Корсун (справа) и практикантка — студентка 4-го курса Киевского сельскохозяйственного института Л. Куприенко осматривают посевы ржи.

Фото Е. Копыта (ТАСС)

В защиту здоровья рабочих

На страже здоровья рабочих, в борьбе с производственным травматизмом проходит работа санитарного инспектора.

Сейчас, когда восстанавливаются многие заводы, мы требуем от проектировщиков строгого выполнения установленных законом гигиенических норм. И, как это ни странно, мы зачастую наталкиваемся на бессмысленное противодействие «Гипроалюминия» Министерства цветной металлургии СССР.

Будучи инспектором Запорожской областной промышленной санитарной станции, я потребовала, чтобы при проектировании Днепровского электродного и алюминиевого заводов были устранены те недостатки в области охраны труда, которые существовали в прошлом. Разрабатывая вентиляционную систему цеха угольных электродов, инженеры запроектировали явно неудачные фильтры для очистки воздуха от пыли. Инженеры упорно пытались доказать санитарным врачам, что работа вентиляционной установки зависит не от проекта, а от... качества монтажа и эксплоатации.

Государственная санитарная инспекция обратилась к министру цветной металлургии СССР тов. П. Ф. Ломако. Он поддержал наше требование. Но указания министра не были выполнены.

Так же плохо, если еще не хуже, работают проектные организации Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР. Чтобы обойти законные требования Госсанинспекции, они вообще не показывают нам своих проектов. На заводе «Коммунар», например, начали строить горячие цехи с явным нарушением санитарных правил. Мы запротестовали. Но Министерство сельскохозяйственного машиностроения не желает считаться с мнением санитарной инспекции.

Мы не раз предавали суду виновных в нарушении законодательства о труде. Это — наше право. Но запорожские судьи, например, проявляют в этих делах непонятную снисходительность.

В таких условиях врачам санитарной инспекции чрезвычайно трудно работать.

Н. ГРИЦАЙ,
госсанинспектор Запорожской областной промышленно-санитарной станции.

Осип ЧЕРНЫЙ

Отщепенцы

ИЗ ЗАЛА СУДА

Существует в Москве об'единение со странным, почти непроизносимым названием «Мосгорпроизводбыткоопинсоюз». В состав его входят инвалидные артели, в их числе — «Красный вахтер».

Главный бухгалтер «Красного вахтера» — женщина средних лет с неправильным, но энергичным лицом и темными волосами. Ее можно встретить в отделении Госбанка. Она переходит от окошка к окошку, от кассы к кассе, и по всему видно, что ее тут все знают.

Ольга Ивановна Барабан, бухгалтер «Красного вахтера», спрашивает через головы ожидающих:

— Лизочка, авизовка готова?

Та, узнав ее, не отрываясь от дела, кивает.

Барабан получает по чеку 47.500 рублей. Она туго набивает свой портфель и отправляется обратно. Но в помещении артели портфель оказывается вовсе не таким тугим: наоборот, он совершенно тощий, в нем осталось пятьсот рублей. Барабан умело подчистила чек, первые две цифры стерла: получилось 500 рублей вместо 47.500.

Проходит некоторое время. Барабан продолжает работать, она на хорошем счету. В следующий раз она устраивает махинацию с бюллетенями: вместо, скажем, тринадцати тысяч пред'являет к оплате сорок три тысячи.

Аппетит у нее немалый, но работником она попрежнему считается очень хорошим. Начальник финансового отдела этого производкоопинсоюза, почтенный старик Хайцман, с опрятной седой бородой, ставит ее в пример другим: квартальный баланс Барабан сдает раньше всех, баланс у нее всегда безупречен.

В артели знают, что Барабан торопится сдать отчет в срок: Хайцман торопит. Ее спрашивают:

— Как, Ольга Ивановна, скоро закончите?

И когда она, наконец, отправляет свой баланс по дистанции, ей жмут руку — и председатель артели Жаров, и кассир Багрянцев, и бухгалтер Киселева, и заведующий производством Исаев. Она не одинока на белом свете, у нее есть друзья.

Друзья говорят ей с доброй усмешкой:

— С вас, Ольга Ивановна, теперь причитается.

И в самом деле, с нее причитается, — она этого не оспаривает.

В один из ближайших дней компания человек в восемь-девять отправляется в ресторан «Иртыш». Составляют вместе три столика, заказывают выпивку и закуску. Пьют и едят, не скупятся.

Речей не произносят, но тихие тосты провозглашают: «Чтоб было не хуже, чем есть», «Чтоб оно дальше шло, как идет».

Мимо этой компании проходят разные люди, и никто не догадывается, что тут собралась группа спевшихся жуликов. Ольга Барабан платит за всех — три тысячи рублей чистоганом, и—кто знает — может быть, еще до очередной сдачи баланса друзья снова здесь встретятся.

Она и на дачу к себе приглашает их, в Крюково. И подарки—тем, кому надо, — посылает на дом: кому отрез, кому продовольственный пакет, а кому и путевку в санаторий.

Так проходят год, и другой, и третий, и когда рука следователя опускается, наконец, на авизовки, бюллетени и чеки, выясняется, что Барабан сумела украсть под носом у ротозеев миллион четыреста восемьдесят четыре тысячи рублей.

Двадцать один человек сидят на скамье подсудимых по этому делу. Я не берусь сейчас установить, кто из них воры, а кто безмозглые дураки: в их вине разберется суд.

Глядя на этих сидевших за барьером преступников, я думал:

Когда мы слышим о колхозах-миллионерах, накопленные этими колхозами деньги выражают для нас лучшее, что есть в социалистическом коллективе, — самоотверженный, честный труд.

Когда мы говорим о миллиардах, вкладываемых в новостройки, мы ощущаем, какие огромные силы народа сосредоточены в этих миллиардах.

Наши советские рубли воплощают в себе то небывало новое, что составляет сущность страны, — творчество, созидание, ее непрерывный рост.

Как же можно терпеть, чтобы грязные руки растратчиков прикасались к советским деньгам, оставляя на них свой след?

Передо мною на скамье подсудимых сидят мерзавцы, которых еще недавно считали нормальными советскими гражданами. Жалкие отщепенцы, единицы среди миллионов тружеников, — это паразиты на здоровом теле советского общества.

Я спросил у следователя, ведшего дело, чем пыталась Барабан об'яснить свое преступление. Оказывается, «хотела пожить». На ее воровском языке это значило — попойки, отрезы мануфактуры, открытое мотовство, припрятанные где-то ценности.

В то время как каждый день приносит нам новые образцы великих успехов народа, где-то за обоями, как мыши, все еще шуршат и возятся дрянные людишки, пытаются что-то унести, прогрызть.

Вопрос о хищениях и растратах—большой вопрос: речь идет о борьбе за советский рубль и великие ценности пятилетки. Благосостояние народа и прочность советской валюты связаны между собой крепчайшими нитями.

Борьба за советский рубль — это в буквальном смысле борьба за завтрашний день, за еще лучшее будущее, за могущество нашей Родины. Это — беспощадная борьба с казнокрадами, ворами и жуликами, отщепенцами советского общества.

Непревзойденный склеивающий материал

Карбинол. Так называется новое вещество, открытое членом-корреспондентом Академии наук СССР проф. И. Назаровым.

Карбинол — непревзойденный склеивающий материал. Он способен клеить металлы, пластмассы, фибру, стекло, мрамор, древесину в любых сочетаниях. Он во многих случаях заменяет сварку и пайку, прессовые, резьбовые и другие механические соединения, упрощает конструкции изделий, удешевляет их изготовление. Из карбинола можно получить искусственный перламутр, малахит, красное дерево, высококачественные лаки, ценные облицовочные материалы.

Развивая открытие ученого, инженер Е. Мигалина смело начала внедрять его в производство.

Карбинольный клей сейчас широко применяется на одном из московских заводов. Здесь склеивается магнит с пластмассой, пластмасса с бронзой, плексиглас со сталью, сталь с кожей.

В лаборатории Мигалиной можно увидеть не только образцы изделий индустриальных предприятий, но и шахматную доску, отделанную под красное дерево и перламутр, изящную шкатулку, покрытую прозрачным слоем карбинола. Среди множества вещей внимание привлекает чудесная роза. Цветок в прозрачном сосуде, залитый карбинолом, словно только что сорван с ветки. А он пролежал уже полтора года и будет лежать, не тронутый временем, много лет.

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ

Как строить курс советской литературы

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ

В статье А. Дементьева и Е. Наумова «Как строить курс советской литературы» («Литературная газета» № 46 за 1948 г.) правильно говорится о том, что принцип научного изучения и преподавания советской литературы должен быть единым. Абсолютно верно и требование покончить с об'единением дооктябрьской и советской литературы под одной рубрикой литературы XX века. Неужели же, действительно, хронологическая грань веков важнее реальной, исторической грани, знаменующей начало новой эры в развитии человечества? Правы также авторы, говоря, что советскую литературу надо рассматривать в развитии, что в основе изучения и преподавания ее должен лежать исторический принцип.

Однако исключительно важно правильное понимание и применение этого принципа. Главное здесь заключается в том, чтобы рассматривать литературу в органической связи с развитием советской страны.

История развития советского общества — это история движения его к коммунизму. Развитие советской литературы есть составная часть этого общенародного движения. И необходимо конкретно анализировать, как отражается в литературе движение нашей страны к коммунизму и как литература участвует в этом движении, способствует ему.

Следовательно, программа курса должна более точно соответствовать этапам развития советского общества (а, значит, и литературы) к коммунизму, более четко и ясно отражать существо этих этапов, то новое, чем они знаменательны.

Между тем, справедливо возражая против формального подхода к периодизации советской литературы, А. Дементьев и Е. Наумов сами в известной мере оказались в плену такого подхода. В самом деле, не является ли формальным, искусственным деление истории советской литературы по десятилетиям? Совпадают ли реальные этапы развития советского общества, а вместе с тем и литературы, с таким делением?

Так, например, А. Дементьев и Е. Наумов озаглавливают раздел III своей схемы: «Литература восстановительного периода и периода социалистической реконструкции (20-е годы)». Но, во-первых, на каком основании процесс реконструкции втискивается в 20-е годы? Известно, что социалистическая реконструкция нашего хозяйства, начавшаяся в конце 20-х годов, широко развернулась в 30-е годы. Она происходила в период не только первой, но и второй пятилетки. В решении XVII партийного с'езда в числе основных задач второй пятилетки названо «завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе...»

Во-вторых, начало и конец 20-х годов — это разные, существенно отличные этапы в жизни нашей страны. В 1925—1926 гг. закончился восстановительный период. К концу восстановительного периода перед страной, перед партией «со всей силой вставал вопрос о перспективах, о характере нашего развития, нашего строительства, вопрос о судьбах социализма в Советском Союзе. В каком направлении следует вести хозяйственное строительство в Советском Союзе, в направлении к социализму, или в каком-нибудь другом направлении? Должны ли и можем ли мы построить социалистическое хозяйство, или нам суждено унавозить почву для другого, капиталистического хозяйства?» (История ВКП(б). Краткий курс). XIV партийный с'езд провозгласил политику индустриализации страны, которая должна была создать и создала условия, необходимые для победы социализма в СССР. «Уже к концу 1927 года определились решающие успехи политики социалистической индустриализации» (Там же).

Таким образом, переход от восстановления народного хозяйства к политике индустриализации явился важнейшим переломным моментом в жизни нашей страны, в ее движении к социализму.

Этот переломный момент не совпадает с концом десятилетия? Но что поделаешь, так «распорядилась» живая жизнь. А мы всегда обязаны помнить указание Ленина, что «марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности».

Ясно, что восстановительный период должен быть выделен в особый раздел. Это вполне соответствует и положению в литературе. В восстановительный период она отражала его противоречия, в ней происходили характерные для этого периода процессы, борьба. Точно так же с переходом к индустриализации и в литературе возникли новые характерные явления и процессы.

Или взять раздел IV, как он предлагается в схеме тт. А. Дементьева и Е. Наумова: «Литература периода сталинских пятилеток (30-е годы)». Эта формулировка, суммарно берущая все три пятилетки, не раскрывает те коренные изменения, которые произошли за время довоенных пятилеток, продолжавшееся, кстати сказать, не 10, а 13 лет.

В январе 1934 года, на XVII с'езде партия могла сказать о решающих успехах социализма во всех отраслях хозяйства и культуры. Социалистическая система превратилась в единственную систему всего народного хозяйства.

К этому времени был построен фундамент социалистического общества в СССР.

Это был важнейший этап в развитии советского общества. К 1936 году в нашей стране была осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм. Как указывал товарищ Сталин, были окончательно ликвидированы остатки эксплоататорских классов; рабочие, крестьяне и интеллигенция сплотились в один общий трудовой фронт.

Введение Сталинской Конституции означало поворот в политической жизни страны. «...Конституция закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу...» (История ВКП(б). Краткий курс).

Несомненно, что эти этапы, эти переломные моменты должны быть четко выделены при периодизации советской литературы, развивающейся вместе со всем нашим обществом и отражающей процессы, в нем происходящие.

Вспомним, какие исторические события произошли тогда в нашей литературе. Мы получили сталинское определение метода советской литературы, как метода социалистического реализма. В 1934 году состоялся Первый всесоюзный с'езд советских писателей, на котором А. А. Жданов раскрыл понятие социалистического реализма. Известно, какой плодотворной была деятельность наших писателей после с'езда. А какой под'ем в литературе, как и во всей стране, вызвало принятие Сталинской Конституции!

Итак, примерная схема курса советской литературы представляется в следующем виде. После вводного раздела (в котором тт. А. Дементьев и Е. Наумов совершенно правильно отводят место для лекций о Горьком) должны итти разделы:

II. Литература в дни Октябрьской социалистической революции и в период иностранной интервенции и гражданской войны.

III. Литература в период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.).

IV. Литература в период построения фундамента социалистического общества (1926 — 1933 гг.).

V. Литература в период осуществления в основном первой фазы коммунизма — социализма (1934—1936 гг.) и в период развития страны по пути завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму (1936 г. — июнь 1941 г.).

VI. Литература в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

VII. Литература в послевоенный период восстановления и дальнейшего под'ема народного хозяйства, в период возобновления пути завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Что касается вопроса о том, кому из писателей должны быть посвящены монографические лекции, то это особый разговор. И его нельзя вести оторванно от рассмотрения того, творчество каких писателей вообще берется в том или ином разделе.

По этому вопросу хочется сделать некоторые замечания.

Думается, что в отдельных случаях необходимо допустить, чтобы творчеству выдающегося писателя посвящалось две лекции в разных разделах. Например, «Разгром» А. Фадеева должен быть рассмотрен в III разделе, без чего литература этого периода будет искусственно и весьма сильно обеднена. Или, например, творчество Н. Тихонова. Оно отнесено А. Дементьевым и Е. Наумовым к 20-м годам. Но можно ли не выделить Тихонова, говоря о литературе периода Великой Отечественной войны?

Более решительно надо ломать стандартную «литературную обойму». Безусловно следует, например, специально остановиться на творчестве А. Малышкина и Ю. Крымова. Рассмотрение произведений этих писателей весьма важно для анализа изображения нашей литературой ростков коммунизма, нового в сознании и поведении советского человека.

Далее. Развитие советской литературы происходило далеко не плавно и не «спокойно». Несомненно, что острая борьба в литературе с нашими идейными врагами, которая являлась одною из форм классовой борьбы в стране, должна найти достаточное отражение в программе курса.

Упущением является также отсутствие монографических лекций о некоторых из писателей, прошедших сложный, противоречивый путь, преодолевавших и успешно преодолевших свои эстетские, декадентские заблуждения, пришедших к методу социалистического реализма.

Наконец, еще одно замечание по статье А. Дементьева и Е. Наумова: в курсе, посвященном советской литературе, нельзя не говорить о процессах и явлениях в братских национальных литературах СССР.

Пора серьезно, сообща, всем научным и литературным силам, взяться за установление принципов изучения и преподавания советской литературы. Пора, в частности, составить подлинно научные программы для вузов и школ. И делать это надо не кабинетно, а общественно, широко. Нужно провести самое широкое обсуждение вопроса о программах. Помимо Министерства высшего образования и министерств просвещения, в этом обсуждении должны принять самое активное участие Академии наук, университеты, институты, преподаватели школ, Союз советских писателей, вся наша общественность.

Н. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ

ПИСАТЕЛИ ЛАТВИИ ОБ УЗБЕКИСТАНЕ

В Союзе советских писателей Латвии состоялся вечер, где делегация латышских писателей, выезжавшая на юбилей Алишера Навои в Ташкент и после того посетившая Самарканд, Фергану, Маргелан и другие города, сделала отчет о своей поездке.

С докладом об экономических и культурных достижениях Советского Узбекистана выступил член делегации секретарь ССП Латвии Карл Краулинь. Он отметил, что латышские писатели впервые посетили братскую южную республику, но на латышский язык уже переведены произведения узбекской литературы: «Письмо строителей Большого Ферганского канала Иосифу Виссарионовичу Сталину», роман М. Айбека «Навои», стихи А. Навои. Все эти книги стали близкими и дорогими латышским читателям.

Переполненный зал взволнованно слушал выступления писателей П. Вилипа, М. Кемпе, А. Имермана и В. Гревиня, которые поделились своими впечатлениями о колхозах и заводах Узбекистана, о древних памятниках Самарканда, театрах Ташкента, рассказали об успехах социалистического строительства в республике.

Неизвестные рисунки Петра Соколова

Иллюстрации Петра Соколова к «Мертвым душам», впервые опубликованные в прошлом году Гослитиздатом, были лишь небольшой частью не известных до сих пор рисунков этого художника. Современник Гоголя, Тургенева, Некрасова, он за долгую свою жизнь (1821—1899) создал превосходную галлерею образов русских крестьян и городского мещанства, великолепные пейзажи нашей деревенской природы.

Большая часть этих рисунков находилась у частных коллекционеров. Поэтому выставка работ П. Соколова, открывшаяся в Центральном доме работников искусств, представляет выдающийся интерес. Она впервые знакомит широкую общественность с неопубликованными иллюстрациями к «Мертвым душам», к стихотворениям Некрасова и рассказам Тургенева.

НА СНИМКЕ: Неопубликованный рисунок Петра Соколова к «Мертвым душам».

Александр ИВИЧ

В солнечном мире

Человеку шесть или восемь лет, он выходит на простор мира. Ребенок зорок — видит большое и малое, звезды и травинку, человека в работе, в веселье и в горе. Многое, что для нас привычно и, словно бы, давно обесцвечено, играет для него всей гаммой ярких красок и тончайших оттенков, наполняет все существо радостью открытия.

Нехватает у него слов, чтобы выразить богатство чувств и мыслей, рожденных первым опытом соприкосновения с жизнью. Приходит поэт. Он ведет ребенка в лес, в поле, в кузницу и еще раз показывает чудеса мира, выразив их в слове и в ритме, обогатив впечатления ребенка своей мудростью, своим широким пониманием значения, существа и поэтичности явлений жизни.

Такое проникновение в круг интересов детей, умение отозваться на каждое их душевное движение, вместе с ними удивиться, прояснить неясное, открыть еще неведомое — привлекает нас в поэзии Льва Квитко.

Страницу за страницей читаешь сборник лучших его стихов для детей, написанных за тридцать лет. И когда доходишь до конца, оказывается, что поэт ничего не забыл, ни в чем не сузил мир ребенка.

Квитко — мастер лирического пейзажа. Природа в его стихах не статична, не отделена от человека перегородкой пассивного созерцания.

А над Кремлем (я сегодня заметил)
Стайка стрижей пронеслась в синеве;
Ветер был мягок, вечер был светел —
Значит, теплынь наступает в Москве.

Но не всегда ветер мягок у Квитко. Хорошо на катке:

Мчаться,
Мчаться,
Мчаться,
Мчаться!
С буйным ветром повстречаться!
Чтоб звенело,
Чтоб несло,
Чтобы щеки обожгло!

Л. Квитко совмещает точное описание природы, сделанное по самым ощутимым, самым осязаемым признакам, с мечтой о вмешательстве в дела природы, о покорении ее могучих сил хозяином-человеком.

Смастерю себе машину,
Вольный ветер запрягу.

(«Ветер»)

В стихотворении «Урожай» читатель видит плоды труда народа:

То грузят на пароходы
И везут из края в край
Для советского народа
Небывалый урожай.

Квитко передает поэтичность, романтику явлений окружающей жизни, пользуясь для описания реалистическими средствами, простыми, обыденными сюжетами.

Мальчик нырнул, купаясь —

Под водой все очень странно,
Сумрачно и одиноко.

Таинственность подводного мира заставляет его мечтать, как станет он водолазом и разгадает все тайны, расскажет все сказки морского дна.

Подарили игрушечного коня, — и мальчик ощущает себя героем, буденновцем, защитником Родины.

А другой малыш трудится: смастерил подковы, сшил седло, связал уздечку, но нет у него того, что дороже всего:

Подумайте, нету
Коня у него!
Казак я! Буденновец!
Храбрый боец!
Так дайте ж мне, дайте
Коня, наконец!

Солнечен и удивителен мир советского ребенка. Есть место и серьезному раздумью и резвой шалости в этом мире, отображенном в прозрачных, чистых стихах Квитко.

Горький в одном из первых своих высказываний о детской литературе говорил: «...ребенок должен знать жизнь своей родной страны, своего отечества, своей земли, всего земного шара, так как весь земной шар принадлежит ребенку, **всегда ребенку!.. Место ребенку, наследнику всех великих работ человечества!**»

Выраженным в этих словах огромным уважением к ребенку — наследнику дела отцов, создавших для него свободную жизнь, проникнута вся поэзия Л. Квитко.

Диапазон поэтических средств, которыми Квитко раскрывает ребенку мир, очень широк. Лирика, проникновенная и в то же время настолько конкретная, что она живо воздействует на детскую душу; веселый мягкий юмор; спокойный, эпический тон лирико-философских размышлений; взволнованность героических стихотворений, прославляющих мужество и верность Родине, — все одинаково удается Квитко.

Неудивительно, что многие наши выдающиеся поэты, работая над переводами стихов Квитко, нашли для себя в его стихах близкие мотивы. Мы видим в сборнике переводы С. Маршака, С. Михалкова, М. Светлова, М. Алигер, О. Колычева, С. Спасского и многих других поэтов. Большая часть переводов сделана Е. Благининой и Т. Спендиаровой. Поэт вдохновил переводчиков. Стихов, в которых ощущалось бы заметное снижение поэтического качества подлинника, немного. Упреки можно сделать, главным образом, в отношении отдельных строк, некоторых тяжеловесных выражений.

Советская поэзия для детей — единственная в мире, шагающая в ногу с поэзией для взрослых.

Лев Квитко, несомненно, стоит в первом ряду наших поэтов, отдавших свой талант и труд самому благодарному и самому требовательному читателю — ребенку.

Л. Квитко. «К солнцу». Избранные стихи для детей. Издательство «Дер эмес». 1948. 276 стр.

И. СЕМПЕР

НА ВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли писателям Эстонии полнее и глубже понять свою роль в жизни республики. За последние два года в развитии нашей литературы произошли заметные сдвиги.

Творческая конференция писателей Эстонии, прошедшая в начале июня в Таллине, показала, что подавляющее большинство прозаиков и поэтов идет по верной дороге. Об этом говорит все возрастающее число издаваемых книг и ярко выраженное партийное направление новой эстонской литературы. Можно сказать, что эстонская литература перешла в активное наступление; писатели, становясь деятельными участниками жизни республики, своим творчеством помогают решать задачи послевоенной сталинской пятилетки.

Характерны в этом смысле новые черты в развитии эстонской поэзии. В ней появился жанр поэтического очерка, поэтического репортажа. Поэты воспевают созидательный труд рабочих и крестьян республики, рисуют картины этого труда. Многие герои стихотворений Деборы Вааранди, Юхана Шмууля, Марта Рауда существуют в жизни.

Особенно ярко выражает поворот эстонской поэзии к современности поэма Ю. Шмууля «Бригада парней из Ярвесуу». Поэт рассказывает о том, как на юге Эстонии, в Выруском уезде, была восстановлена сельская гидроэлектростанция. Бригада парней из деревни Ярвесуу вместе с комсомольцами других деревень самоотверженно работала на строительстве. В поэме даны имена подлинных участников строительства. Автору удалось поэтически раскрыть социалистическую сущность этого события.

К современности обращаются и наши прозаики. Освальд Тооминг пишет роман о людях сланцевой промышленности, Август Якобсон — большой роман «Буря». Однако законченных крупных произведений в эстонской послевоенной прозе еще нет. Но уже есть интересные рассказы Эдуарда Мянника, Освальда Тооминга и Рудольфа Сирге, свидетельствующие о победе нового направления эстонской литературы и в прозе.

Один из лучших рассказов последнего времени — рассказ О. Тооминга «Новые люди» — посвящен героям самого важного участка эстонской индустрии — сланцевой промышленности. Тооминг, сам работавший на добыче сланца, хорошо знает эту область и правдиво ее изображает. Писатель увидел и показал новые ценные черты в характере эстонского рабочего. В рассказе повествуется о том, как рабочие отказываются бросить шахту, которую заливает вода. С опасностью для жизни они прорывают отводный канал, шахта остается в строю. Коллектив рабочих показан Тоомингом удачно, но отдельные персонажи, к сожалению, обрисованы несколько поверхностно.

Интересна первая часть романа «Эндель Кангур» Юхана Шмууля, автора упомянутой выше поэмы «Бригада парней из Ярвесуу». В романе Ю. Шмууль повествует о жизни рабочего подростка в условиях буржуазной Эстонии.

В эстонской прозе также появился новый жанр — очерк, который раньше совсем отсутствовал в ней. Лучшие очерки последнего времени принадлежат писателю Ату Хинту. В серии «Портреты рабочих людей» Хинт сумел хорошо показать облик эстонских рабочих и рыбаков, их быт, новое, социалистическое отношение к труду.

За последние годы стала развиваться и наша детская и юношеская литература. В сборнике стихов для детей Керсти Мерилаас рассказано о том, как строится в республике новая жизнь. Удачен сборник стихов Ральфа Парве о школьниках и пионерах, книга Лейды Тигане — тоже о пионерах.

Темы современности берут для своих книг и другие детские писатели. Но некоторым из них мешает груз еще не преодоленных буржуазных традиций. Например, в книгах Лейды Кибувитс речь идет о рабочих, советских людях, но автора интересует не типическое, а случайное в явлениях, стиль ее отличается вычурностью.

Настоящим большим успехом эстонская литература может гордиться в области драматургии. Советским читателям и зрителям знакомы пьесы Августа Якобсона «Жизнь в цитадели» и «Борьба без линии фронта», удостоенные Сталинских премий. Значительна также его пьеса «Ржавчина», в которой драматург снова поднял важную тему. «Ржавчина» рассказывает о рабочем, бывшем фронтовике, после войны ставшем директором завода, но отошедшем от масс из-за ложно понятого им права на отдых после войны и подпавшем под влияние классового врага. Интересна новая пьеса А. Якобсона «Два лагеря» — о двух демократиях — фиктивной демократии буржуазных стран и подлинной советской демократии.

В произведениях других наших драматургов разоблачаются попытки классового врага проникнуть в новую жизнь Эстонии и, замаскировавшись, взорвать ее изнутри. Пьесы Аду Хинта «Шхуна рыбаков Тагаранна» и «Куда идешь, товарищ директор?» показывают, что человек, выдвинутый народом, идет правильным путем только при условии тесной связи со своим классом. Но драматург не сумел достаточно убедительно показать ведущую роль партии в деле перевоспитания трудящихся масс.

Драматург Ян Сепп написал пьесу о вожде эстонских большевиков Викторе Кингисеппе, погибшем в 1922 году. Пьеса, — очень нужная по тематике, интересная по замыслу, — к сожалению, недостаточно раскрывает образ Виктора Кингисеппа, как руководителя борьбы народа. Автор продолжает работу над этим произведением.

Говоря о достижениях нашей литературы, нельзя умолчать и о ее недостатках. Тематически мы не охватили еще всех важных вопросов сегодняшнего дня. Мало произведений о новой деревне, о строительстве первых колхозов, мало произведений о духовном, политическом росте эстонского народа.

Настоятельно требуют разрешения две основные задачи эстонской советской литературы — преодоление традиций буржуазной литературы и создание образа положительного советского героя. Советский новый человек показан в нашей литературе недостаточно ярко. Это должно быть главным делом всех наших писателей, залогом всей их творческой работы, дальнейшего их роста.

В связи с этим большое значение приобретает развитие критики и литературоведения. Можно сказать, что после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» эстонским критикам и литературоведам удалось добиться некоторых успехов.

Критика стала более принципиальной и во многом помогает литературе. Особое внимание за истекший год было уделено переоценке литературного наследия. К правильному классовому анализу произведений стремились в своих критических работах Н. Андрезен, О. Ургарт и другие. Они пересмотрели литературное наследие Эдуарда Вильде, Эрнста Сяргава, драматурга Китсберга и крупного прозаика начала XX века, умершего перед самой Отечественной войной, — А. Таммсааре.

Критика показала, что не все произведения этих писателей можно считать прогрессивными и что их творчеству присущи также реакционные черты. Глубокий художественный анализ социальных отношений XIX века, острая критика действительности того времени нередко сочетаются у классиков эстонской литературы с неверными выводами, с теорией «единого потока» развития национальной культуры.

В Советской Эстонии созданы все условия для большого расцвета национальной культуры.

Эстонская советская литература, встав на путь активной борьбы за построение коммунистического общества, уверенно идет по этому пути.

Л. ДМИТРИЕВ

Исцеляющий труд

Есть писатели, одаренные способностью видеть трудные конфликты жизни и вмешиваться в их разрешение сейчас же, не откладывая до того времени, когда события отстоятся и обобщение сложится само собой.

Ванда Василевская принадлежит к числу таких писателей. Тема ее романа «Когда загорится свет», написанного в 1946 году, — сложные, трудные взаимоотношения людей, чья семья оказалась разрушенной войной.

В центре произведения — семья Алексея Дороша. Инженер Алексей Дорош приходит с фронта инвалидом. Вследствие тяжелой контузии он страдает нервным расстройством и мучительными головными болями. Непригодным, как ему кажется, для битвы возвращается этот молодой еще человек в свою любимую некогда семью, к жене и дочери. В недавно освобожденном, погруженном во тьму городе (электростанция взорвана немцами) Алексей остро ощущает свою беспомощность, свое невольное «иждивенчество». Тоскуя о кипучей фронтовой жизни, он замыкается в себе. Самолюбивая и сдержанная жена Алексея Людмила страдает от отчужденности мужа, считает, что он «променял» ее на другую женщину (а у него действительно была близость с другой). Только дочка связывает их между собой, но разлад родителей и девочке причиняет много страданий.

Такова трагедия Дороша, который решает, что он бесполезный человек, мучается сам и мучает окружающих — любящих его и любимых им людей.

На первый взгляд может показаться, что Ванда Василевская избрала себе тему камерную, интимную, замкнутую в пределах семьи, не имеющую выхода в большую жизнь. Однако характерное для советской литературы свойство — умение увидеть в любой проблеме ее общественное значение — сказалось в романе В. Василевской.

Еще не отгремели последние наступательные бои на фронтах Отечественной войны, как уже начинается радостный труд восстановления.

Алексею Дорошу, несмотря на его инвалидность, предлагают ознакомиться с взорванной немцами электростанцией и установить, возможно ли ее восстановление. Изрытый воронками пустырь и груда развалин испугали бы любого буржуазного инженера. Но советский человек не останавливается перед препятствиями. Как и старик-сторож Евдоким Галактионович, Алексей верит в то, что «красавица» ответит благодарным сиянием огней людям, которые не пожалеют для нее самоотверженного труда. Он «думал об электростанции не как о неодушевленном предмете, а как о живом существе, одаренном силой роста, силой развития, силой, сейчас скованной в этих руинах, страдающей не меньше, чем страдает он, Алексей».

Роман «Когда загорится свет» задуман, как гимн созидательному труду. Электростанция возрождается, и вместе с нею исцеляются человеческие души, восстанавливается семья. Не самый процесс строительства электростанции, не детали восстановления в центре произведения В. Василевской. Писательница раскрывает этическое значение творческого труда в нашем обществе, влияние его на все самые тонкие, самые сокровенные сферы душевной жизни советского человека.

Снова сделавшись полезным членом общества, перестав болезненно ощущать свое «иждивенчество», Алексей понимает, что раздражали его не жена и не бытовые неполадки, а вынужденное бездействие и чувство своей ненужности. Не сразу налаживаются отношения в семье Дороша. У Алексея и Людмилы накопилось много взаимных обид, но творческий труд осветил их жизнь и помог полюбить друг друга с новой силой. «Здравствуй, — говорила Людмила маленькому огоньку. — ...Здравствуй, ты пришел вместе с доброй вестью, вместе со счастьем»...

Так решает автор тяжелую драму, назревшую в этой хорошей советской семье.

Старинный конфликт, столько раз описанный художниками, решается В. Василевской по-новому. Творческий труд советских людей озаряет не только погруженный во тьму город, он приносит свет и в личную жизнь, в души героев. Где побеждает творческий труд, там побеждает и высокая мораль советского человека. В. Василевская стремится показать нерасторжимое единство личного и общественного в нашей действительности.

Однако жаль, что основное внимание писательницы сосредоточено в романе не на радости возрожденного чувства Алексея и Людмилы, а, главным образом, на перипетиях их семейной драмы. Показав пути исцеления семьи Дороша, В. Василевская все же раскрывает это исцеление конспективно, в общих чертах, без углубленных психологических мотивировок, без той тщательности, даже иногда излишней скрупулезности описаний, которые характерны для части романа, где рассказывается о разладе между супругами. Здесь В. Василевскую интересуют самые тончайшие нюансы настроений, все мелочи быта; повествование течет замедленно. Но этот темп стремительно меняется, как только намечается перелом в отношениях Алексея и Людмилы. Дальше все сообщается скороговоркой, совсем в иной манере — без детализации, легко и несколько упрощенно. Это лишает произведение художественной цельности. Роман словно написан различными почерками.

Это сказывается и на некоторых частностях, на отдельных эпизодах произведения. Так, например, совсем чужеродным, нежизненным является описание неестественной любви Дороша к «Даме с розой» на портрете неизвестного художника. Писательница уверяет нас, будто сын комиссара-большевика, рабочий парень — Алексей, во время своей учебы в институте воспылал фантастической любовью к прекрасной незнакомке на портрете. Без тени иронии, совершенно всерьез описаны все муки героя, которые кажутся заимствованными из какого-то рыцарского романа. Непонятным образом меняется здесь язык произведения. Вот как размышляет Алексей, глядя на предмет своих воздыханий: «Когда ты жила, Дама с портрета, какое имя ты носила, кому усмехались твои губы этой лукавой и нежной улыбкой? Кому ты говорила о любви и кто любил тебя шальной, сумасшедшей любовью, прелестная?»

Описывая переживания Алексея, муки ревности (он ревновал «Даму с розой» к одному из посетителей музея), писательница начинает говорить напыщенно и высокопарно: «Она со страшной силой завладела жизнью Алексея, стала госпожей его дней и ночей. Со страниц книг мерцали ее зеленые, прозрачные глаза, из-за столбцов формул улыбались шаловливой, насмешливой улыбкой ее губы. Она являлась наяву и во сне. И Алексей ходил, словно в насыщенном солнцем тумане».

Весь этот эпизод может только разрушить то представление об Алексее Дороше, которое сама В. Василевская стремилась создать.

Не очень правдоподобным выглядит описание детских переживаний героя: временами они кажутся какими-то изысканными, утонченными, связанными со смутными, случайными ассоциациями, вовсе не свойственными рабочему подростку. Вообще описание детства и юности героя — литературно, условно, лишено жизненной конкретности. Совсем иначе изображена дочь Алексея и Людмилы. Этот образ — один из удачнейших в романе. Живая, ясная, деятельная, она исполнена грации и обаяния.

Неровность художественного почерка сказалась и в характеристиках отдельных второстепенных персонажей романа. Есть некоторый налет мелодраматизма на образе Тамары — соседки Дороша, которая изменяет своему мужу, находящемуся на фронте, но при этом так терзается, что, в конце концов, кончает самоубийством. Хорошо знакома нам по старым романам и нищенка Фекла Андреевна, которая милостыней скопила себе состояние.

Недостатки эти, конечно, снижают художественную ценность романа. Но смелая постановка важной, значительной темы, высокий моральный пафос, присущий В. Василевской, драматически сильное, напряженное развитие конфликта и правдивое его разрешение, — все это делает роман нужным читателю.

Ванда Василевская. «Когда загорится свет». «Московский рабочий». 1947. 302 стр.

Георгий БЕРЕЗКО

Трагедия цветной Америки

Об этой стране вы вряд ли сумеете что-либо узнать из американской печати. О ней не расскажут вам и крупнейшие радиовещательные компании США. Вы не увидите ее в так называемых «боевиках» Голливуда.

Тем не менее, страна эта существует — страна нищеты, чудовищного бесправия, вечного страха, безысходного рабства. Она расположена на территории тех же сорока восьми штатов, на обширном пространстве между Атлантикой и Тихим океаном. Тот же флаг — «звезды и полосы» — осеняет ее. И немалая часть населения США принадлежит именно к этой цветной Америке.

Как ни обширен заговор молчания, относящийся ко всему, что связано с этой несчастной страной, трудно в течение продолжительного времени оставлять мир в неведении о судьбе миллионов американцев. Передо мной книга Уоллеса Стегнера «Одна нация» («One nation»), появившаяся в результате «поездки писателя с группой фотокорреспондентов». Стегнер не коммунист, его нельзя заподозрить в «нелойяльном» отношении к «американскому образу мышления». Но собранные им фотодокументы о жизни американских «цветнокожих» — негров, филиппинцев, мексиканцев, индейцев, то-есть тех, кто составляет немалую часть населения Америки, — производят поистине потрясающее впечатление.

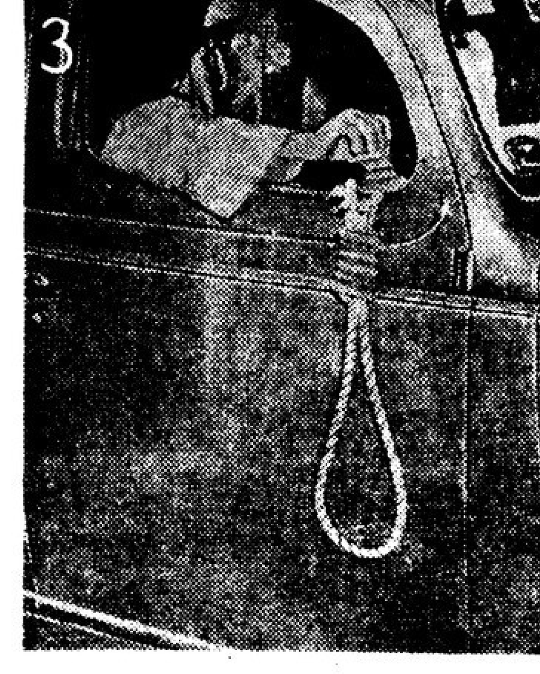
Я ограничен размерами газетной статьи и могу привести здесь только несколько фото из книги Стегнера. Однако всмотритесь в них, — и вы получите представление о том, как живет многомиллионная цветная Америка. Это страна в стране. Ей не позволяют смешаться с другой, белой Америкой, она существует в ней, подобно желтку в белке. Или, точнее, подобно гигантскому гетто. Стены этого гетто невидимы, но от этого не менее несокрушимы. Они проходят в черте городов, где негры живут в особых кварталах, в автобусах, где неграм отведены только задние сиденья, в парикмахерских, где у них особые стулья. Тысячи предрассудков, унизительных прежде всего для чистокровного янки, крепки, как гранит. Если попытаться разобраться во всей этой смеси фантастического невежества и расистского высокомерия, исповедуемой каждым стопроцентным янки, то получится, примерно, следующая формула: и библия и Дарвин правы. Одна половина человечества произошла от Адама — именно американские конгрессмены, являющиеся его прямыми наследниками, другая — от обезьяны. И усилия огромного пропагандистского аппарата Соединенных Штатов — прессы, радио, кино — направлены на увековечение этой изоляции одной части американских граждан от другой. Воздадим должное «потомкам Адама»: им действительно удалось осуществить нечто неслыханное по масштабу. О гетто, в котором одновременно были бы заключены десятки миллионов людей, Гитлер только мечтал.

Как и всякая страна, цветная Америка имеет свой бытовой уклад, свой «правопорядок». И тут обнаруживаются вещи неожиданные...

Так, из учебников географии известно, что обитатели Североамериканского континента ведут оседлый образ жизни. Даже индейцы, и те размещены на особых территориях, откуда нет выхода. Эти индейские гетто называют в Америке резервациями. О том, как создавались эти поселения, с потрясающей силой рассказывается в превосходной книге Ховарда Фаста «Последняя граница». Целые народы — коренные обитатели материка — были насильно поселены на бесплодных землях Оклахомы и там вымирали под наблюдением администраторов из Индейского ведомства. Если ад существует, — он, несомненно, оборудован под наблюдением чиновников из этого ведомства. И все же, оказывается, сведения об

оседлости американцев сильно преувеличены. Цветная Америка, в основном, кочует! Сотни тысяч бездомных людей — негров, мексиканцев, филиппинцев — пересекают континент, странствуют от океана и до океана.

И совсем не в результате какого-то врожденного влечения к кочевой жизни Сегнер суховато сообщает: «Постоянная миграция в поисках заработка пагубно отзывается и на детях, недоедающих и не посещающих школы». Какие уж тут школы! Ведь, по мнению иных стопроцентных янки, школы не очень нужны и белым детям. Насколько можно судить по одному из недавних выступлений президента США Гарри Трумэна, народное образование в Америке приближается по своему уровню к Турции или Конго. И опять-таки, для полноты картины надо подчеркнуть, что кочуют не одни только негры либо мексиканцы. Кочуют и белые безработные из штата в штат, кочуют разорившиеся фермеры, эти «поганые Оки», как их называют другие фермеры, еще не разорившиеся.

О «правопорядке», существующем для цветной Америки, мы кое-что знаем не только из книги Сегнера. Достаточно развернуть любой номер американской газеты. Вот несколько сообщений, появившихся только за последнее время.

...В Детройте полицейские 4 июня линчевали негритянского юношу Леона Моузли за то, что он якобы ехал в автомобиле, не принадлежавшем ему... Рабочий Вильямз и его жена — очевидцы этого страшного происшествия — видели, как полицейские вытащили негра из машины, избили его и затем отпустили. Шатаясь, он сделал несколько шагов и упал на колени. Тогда один из полицейских выхватил револьвер и выстрелил Моузли в спину, другой приблизился к нему и ударил по шее ружейным прикладом. Позднее врачи установили, что Моузли умер в результате пулевого ранения и перелома шейного позвонка...

...Рабочий, негр Джеймс Хорман в Кэмдене (штат Нью-Джерси) ушел на работу и не вернулся. Спустя три недели его жене разрешили десятиминутное свидание с ним в «доме для умалишенных». Он был в наручниках, с лицом, опухшим от побоев... Через два дня он умер. Что с ним случилось, почему полиция арестовала и избила его до полусмерти — так и осталось невыясненным, несмотря на все усилия представителей профсоюза, к которому Хорман принадлежал...

...Ветеран второй мировой войны, негр Джордж Серрел ехал с женой в поезде из Филадельфии. Служащие железной дороги насильно сняли его с поезда, увели вместе с женой куда-то в сторону от станции и застрелили на глазах у жены. Суд присяжных признал эту расправу «оправданной», так как Серрел якобы ехал без билета (что категорически опровергает его жена).

Формально негры в США имеют те же права, что и белые; фактически же они лишены всяких прав. Вздумается белому прикончить негра только потому, что ему не нравится выражение его лица, — и убийца безнаказанно выполнит свое намерение. Суд, состоящий из тех же белых, готов любую расправу над негром признать во всех случаях «оправданной».

В любом популярном курсе истории США вы можете прочитать, что Линкольн одержал победу над конфедератами южных штатов, в результате которой цветные получили ту же конституцию, что и белые граждане США. Но полно, была ли одержанная победа действительно победой? Действительно ли генерал Ли капитулировал перед Грантом? Взгляните на снимок (фото № 1). На дереве в петле висит чучело негра с надписью: «Этот негр голосовал». Такого рода «наглядное пособие» к изучению конституции США обозначает: не думайте, что негры в самом деле имеют какие-то гражданские права. И вот что их ожидает, если они всерьез об этом возмечтают.

Даже элементарное право самозащиты отнято у цветных в США. И если негр поднял руку только затем, чтобы отвести дуло револьвера, направленное на него в упор, он будет наказан вдвойне! В штате Георгия негритянка Роза Ингрэм и два ее сына — 14 и 17 лет — приговорены к смерти за то, что мальчики пытались защитить свою мать от пули белого соседа. На взгляд каждого, кто не является американским судьей, они заслуживали бы наказания в том случае, если бы не встали на защиту матери. Но судьи в Америке рождены, видимо, не от женщины. Комитеты, организованные прогрессивными американскими организациями, ведут сейчас борьбу с этим легализованным убийством негритянской семьи... «Конгресс борьбы за гражданские права» и «Прогрессивная партия», недавно организованная для поддержки кандидатуры Уоллеса, требуют также наказания убийц Леона Моузли. Но, учитывая нынешнюю политическую обстановку в США, весьма сомнительно, чтобы они сумели настоять на своих требованиях.

«Я был негром, и потому меня убили», — такими словами закончил Чарли Хендерсон, бывший солдат американской армии, свое последнее письмо, написанное за полчаса до того, как он вошел в газовую камеру тюрьмы в Соломе (гиммлеровская «техническая новинка», видимо, успешно конкурирует теперь в Америке с электрическим стулом).

«Нужно иметь белую кожу для того, чтобы вас считали американцем, — писал Хендерсон в своем письме, адресованном его защитнику. — С того момента, как я очутился в суде, я уже знал, что буду приговорен к смерти. Сам председатель суда сообщил мне, что он не любит негров и что мы должны вернуться туда, откуда пришли... В зале были везде только одни белые, ни одного негра не было среди присяжных, даже в публике их не было...»

«Хороший индеец — мертвый индеец», — говорили некогда американские колонизаторы. «Хороший негр — мертвый негр», — повторяют сегодня их потомки. Если негр мешкает вернуться «туда, откуда он пришел», — всегда сыщутся добровольные охотники поторопить его. Иногда это делается в порядке весьма своеобразного «развлечения». В этом можно убедиться, взглянув на очередной снимок (фото № 2).

Трудно сохранить спокойствие, смотря на этих забавляющихся молодых людей. Руки сами сжимаются в кулаки, гнев охватывает вас. При виде этого снимка истинному патриоту-американцу должно стать попросту стыдно за своих соотечественников. И даже за себя!

На рубашке одного из веселящихся палачей мы видим буквы, говорящие о том, что он — солдат американской армии. Небезинтересно знать, что думает в связи с этим о чести американского военного мундира начальник штаба генерал Брэдли? Или такое обращение с неграми входит в рекомендованную им систему воспитания солдат и это своеобразный тренаж, необходимый тем, кто завтра может оказаться в гоминдановском Китае, в монархо-фашистской Греции, в какой-либо другой колониальной или «маршаллизованной» стране?

Все происходящее сегодня в Америке и запечатленное на снимках — поистине и отвратительно, и страшно. Зверские избиения, бесконечные убийства стали там повседневным явлением, особенностью быта. В этом смысле уже нет разницы между Югом и Севером. Всюду, где развевается «звездно-полосатый» флаг, существует сегодня «гетто» для цветных.

«Линч идет», — таков боевой лозунг современных американских фашистов. Удавная петля палачей и насильников — такова их эмблема и излюбленный род «оружия». Взгляните на бизнесмена в балахоне Ку-клукс-клана (фото № 3). Его лицо, прикрытое до поры до времени маской, это и есть лицо заокеанского фашизма! Сегодня он преследует по пятам негра. А завтра, ободренный каким-нибудь законом Тафта — Хартли или Мундта, он с такой же яростью будет преследовать белого за «неамериканский образ мыслей».

Кровь течет в Америке — одинаково красного цвета — и у негров, и у белых. Совесть человечества возмущена! Пусть никто не заблуждается на этот счет, — она существует. Она еще скажет свое слово Трумэнам, Ванденбергам, Тафтам, Мундтам, всем цивилизованным дикарям и гангстерам — со всей беспощадной суровостью.

А. ЕЛИСТРАТОВА

Тлетворное влияние декаданса

Последние романы Колдуэлла рисуют страшную картину повседневной жизни рядовых людей — рабочих, фермеров, безработных — в современной Америке.

Место действия «Трагической земли» — поселок безработных, выросший за годы войны на окраине большого города, — носит выразительное название «Пур-Бой» («Бедняга»). Так прозвали его сами жители. Давно потеряв надежду устроиться, распродав последнее имущество, обитатели «Пур-Боя» влачат нищенское существование в жалких лачугах, роясь в мусоре на свалках, торгуя из-под полы запрещенными наркотиками, промышляя всем, чем придется. Голод толкает на проституцию не только женщин, но даже детей. Убежавшая из дому от вечно пьяных, голодных родителей 13-летняя Мэвис, дочь безработного Спенса Даузита, попадает в публичный дом. Проституткой становится ее сверстница Флорабель: отец ее убит на войне, и мать сама, чтобы спастись от голода, ведет дочь на улицу. Безработного Флойда Шарпа ждет электрический стул: ударом топора он убил соблазнителя своей 12-летней дочери, негодяя Вэббера, профессионального поставщика «живого товара» для городских притонов. «Глубокая грязная яма для таких бедняков, как мы, которая с каждым днем становится все грязнее и глубже», — таков поселок «Пур-Бой», по словам одного из его обитателей, Спенса Даузита.

В другом романе Колдуэлла «Неотвратимая десница господня»* действие переносится в предместье провинциального города одного из южных штатов. В основе сюжета — безрадостная судьба Молли Баузер и ее дочери Лили. Рано осиротевшая дочь неимущего издольщика, Молли с детских лет батрачила на ферме у взявших ее «из милости» Саттерфильдов, терпеливо снося непосильный труд, побои хозяйки, грубые ласки хозяйских сыновей и самого хозяина, нашедших в ней даровую любовницу. После рождения Лили все силы Молли устремлены на то, чтобы спасти дочь от своей участи. Переселившись в город, она перебивается то шитьем, то приемом «гостей», возлагая все надежды на замужество подрастающей Лили. Но все напрасно. Беспросветная нужда увлекает на дно и мать и дочь. Сбываются злобные предсказания ханжи Люси Троттер, неустанно грозившей своей соседке Молли карами «неотвратимой десницы господней». Рушатся надежды на выгодное замужество шестнадцатилетней Лили: арестованная на улице за приставания к прохожим, она заключена в исправительный дом. По настоянию домохозяина, Молли перебирается в один из принадлежащих ему домов в «Яме» — том квартале, где сосредоточены все городские притоны. На случай возвращения дочери она приготовляет ей комнату рядом с другими девицами...

Поистине «трагической землей» предстает в последних романах Колдуэлла современная Америка. Но в трагедии бесчисленных человеческих жизней в том виде, в каком воспроизводит ее американский писатель, отсутствует необходимое условие правдивого отображения действительных коллизий общественной жизни — в ней нет ни героев, ни борьбы. Безнадежные дегенераты, тупые, уродливые, карикатурные «недочеловеки» — такими предстают у Колдуэлла рядовые простые люди его родины — безработный Спенс Даузит и его жена Мод, Молли Баузер и другие. В сознании каждого из них давно атрофировались все здоровые умственные и нравственные побуждения. Не способные ни к труду, ни к борьбе, они бессмысленно топчутся из угла в угол, будучи не в силах ни осознать свое положение, ни искать выхода из него. Комок слепых, нечленораздельных инстинктов — пол, голод, жадность, тупая потребность в искусственном возбуждении — служит основным двигателем всех их поступков.

Из зрелища подавляющего унижения и падения человеческого достоинства Колдуэлл решается извлекать комические эффекты: его «трагедия» сбивается временами на отвратительный площадной фарс.

«Люди не могут долго оставаться человеческими существами в крысиной норе», — говорит один из персонажей «Трагической земли» Колдуэлла. Империализм действительно несет нищету и деградацию многомиллионным массам трудящихся. Но одновременно с этим в недрах этих обездоленных масс формируются и зреют революционные силы, которым принадлежит будущее.

О существовании в американском народе этих живых сил, противостоящих капиталистическому угнетению и реакции, знает и сам Эрскин Колдуэлл. Тема классовой борьбы в современной Америке не раз ставилась им в его произведениях довоенного времени.

Теперь, в последних романах Колдуэлла, эта вера в народ роковым образом изменяет писателю.

В «Трагической земле» еще появляется, — хотя и эпизодически, на заднем плане романа, — знаменательная фигура ветерана второй мировой войны, молодого Джима Говарда Ванса, который не хочет мириться с капиталистическим «американским образом жизни». Война научила его тому, что возможен и иной «образ жизни» народа, что «не обязательно людям жить всю жизнь на такой свалке, в нищете, в лохмотьях и в голоде». Он хотел бы стереть с карты своей страны поселки, подобные «Пур-Бою». Но все дела Ванса сводятся в романе к тому, что он помогает «Благотворительному департаменту» водворить на прежнее место жительства своего спившегося, потерявшего человеческий облик тестя Спенса Даузита.

Тема общественного протеста заглушается вовсе в «Доме на взгорье» — одной из слабейших книг Колдуэлла, написанной им в 1946 году. Немногие отмеченные выше реалистические эпизоды романа заслоняются всепоглощающим монотонным натуралистическим описанием биологического вырождения и гибели старого плантаторского семейства Дэнбаров, последние представители которого уже неспособны к продолжению своего рода. Это биологическое вырождение «господ» аграрного Юга в заключении романа выступает фальшивым образом как основная, чуть ли не единственная закономерность, от которой якобы зависят судьбы порабощенных трудящихся Юга. Вымрут Дэнбары, и тогда «само собой» обнаружится, что и для белых, и для черных бедняков есть место на земле: таков об'ективно реакционный подтекст заключительной части романа.

В последнем романе Колдуэлла «Неотвратимая десница господня» общественный кругозор художника еще более сужен. Если в «Трагической земле», а местами и в «Доме на взгорье» можно было еще уловить связь событий с современностью, то действие этого последнего романа развертывается как бы вне времени, вне всякой связи с социально-политическим опытом американского народа. В ходе сюжета Колдуэлл иронически трактует заглавие своего романа: не провиденциальная «десница господня», но власть обстоятельств, условия социальной среды губят Молли Баузер и ее дочь. Но сама эта власть обстоятельств и среды в изображении писателя оказывается всепоглощающей, фатально неотвратимой. Мысль Горького: «Человека создает его сопротивление окружающей среде», — совершенно чужда Колдуэллу. Односторонне изображая в своих произведениях лишь процесс распада человеческой личности, он дает в своих последних романах неверное, грубо искаженное представление о действительном состоянии общественной жизни своей страны.

Современная декадентская литература и критика всячески стремятся отравить сознание демократических масс неверием в собственные силы. Пропаганда лживого цинического представления о ничтожности и животности человеческой природы, о бессмысленности и бесплодности человеческих усилий в борьбе с обстоятельствами или «судьбой» служит оружием политической реакции. Эрскин Колдуэлл, не раз засвидетельствовавший свое личное сочувствие лагерю прогрессивных, демократических сил человечества, в своих последних романах подпадает под тлетворное влияние разоружающих, антинародных идей декаданса.

* Erskine Caldwell. The Sure Hand of God. Duell, Sloan and Pearce. New York, 1947.

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ

МРАКОБЕСЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

Одним из образчиков современного буржуазного «научно-фантастического» романа может служить широко рекламируемая в США и вышедшая в солидном буржуазном издательстве книга Вогта, интригующе озаглавленная «Мир, принадлежащий А».

Действие в этом романе происходит в 2560 году. По уверению автора, земля к тому времени уже благополучно превратилась в собственность некой таинственной силы, именуемой «А», или «ноль-А». Контроль над бедной нашей планетой осуществляют не более и не менее, как гигантские «игровые машины», состоящие из 25 тысяч электронных мозговых центров. Эти машины и отбирают, по собственному произволу, из числа людей, ежегодно прибывающих в их резиденцию, кандидатов на занятие ведущих постов на земле. Люди в 2560 году, как уверяет нас автор, и сами уже превратились в некую разновидность «роботов» с электронным сердцем и фотоэлементом вместо мозговых полушарий.

В такого рода американизированном «научно-фантастическом» плане сейчас пишутся на Западе не только романы, но и философские труды, и экономические исследования. Перед нами принадлежащая перу швейцарского публициста и экономиста Луи Эмриха книга, озаглавленная «Европа 1975 года».

Эта книга тоже была встречена европейской буржуазной печатью, как некое «откровение в грозе и буре». Одна из швейцарских газет писала, что Эмрих «наряду с Уэлсом является крупнейшим предсказателем нашего времени» и что книга его носит «пророческий характер». Эмриха называют также «Жюль-Верном XX века» и сравнивают в пылу рекламного увлечения с «прорицателем» и «магом» XVI века Мишелем Нострадамусом. Швейцарская право-социалистическая печать сочла возможным даже подчеркнуть, что труд Эмриха должен стать прямо-таки настольной книгой «для всех народов Европы», а ее автора следует считать по меньшей мере «пророком-феноменом нашего столетия». После всего сказанного нам оставалось только раскрыть книгу и, перешагнув через ее порог, начать пристально всматриваться в контуры Европы 1975 года.

Европа для Эмриха сейчас только «тяжело больной и совершенно разбитый континент». «Мы не знаем, — пишет он, — какие удары судьбы еще постигнут нас прежде, чем все до некоторой степени снова консолидируется. Мы лишь знаем, что нам предстоит преодолеть ряд трудностей, препятствий и помех, прежде чем общеевропейская экономика войдет в свое постоянное, спокойное русло».

Что же будет в первую очередь способствовать заживлению всех ран на теле Европы и наступлению в 1975 году царства всеобщего довольства и обеспеченности? По мнению автора книги, отнюдь не торжество прогрессивных идей и — упаси боже! — не победа демократии, а в первую очередь — наступление «золотого века техники», неограниченное развитие которой должно якобы сделать жизнь европейца легкой, приятной, безбедной и беззаботной. Автор стремится доказать, что весь технический прогресс ближайшего будущего самым решительным образом и чуть ли не в равной степени положительно скажется на благосостоянии как богатых, так и неимущих людей.

Провокационная нелепость подобного рода рассуждений совершенно очевидна. Разумеется, технический прогресс имеет важнейшее значение для будущих судеб человечества. Однако, не изобретения — пусть даже гигантского масштаба — правят миром, а люди, партии, классы. Напомним: именно сегодняшние владыки капиталистической Америки сознательно и упорно препятствуют применению атомной энергии в мирных целях, не разрешая даже использовать отходы производства атомной бомбы для лечебных целей! Уже один этот пример неопровержимо свидетельствует о том, что ставка на технический прогресс, как на фактор, способный в корне изменить хотя бы экономическое положение широких масс населения Западной Европы при неизменности ее нынешнего политического строя, есть реакционное прожектерство, рассчитанное только на обман народных масс.

Впрочем, и сам Эмрих до известной степени чувствует недостаточность своей «пророческой концепции». Вот почему он пытается подвести под будущий «технический рай» политический фундамент.

Прежде всего Эмрих считает необходимым покончить с «эгоизмом, свойственным народам малых стран», иначе говоря — решительно подготовить почву для их подчинения и даже поглощения крупными империалистическими хищниками. Фактический отказ европейских государств от экономического и политического суверенитета и явится важнейшей предпосылкой для осуществления той идеи, приверженцем которой откровенно об'являет себя Эмрих. Речь идет о весьма хорошо известной миру идее «Соединенных Штатов Европы», неоднократно разоблаченной в качестве ловушки для европейских народов.

Будущую Европу Эмрих рисует в тонах совершенно патриархальной и приторно-сладкой идиллии. Он заранее утешает почтеннейшую публику тем, что этот процесс будет происходить «не скачкообразно, а медленно и спокойно». «Медленно и спокойно» (очевидно, с помощью самовнушения и гомеопатических капель!) будет «меняться также и географическая карта Европы», разумеется, в направлении, предначертанном Эмрихом. В столь идиллической обстановке будет парализована одна только «эгоистическая», то-есть, суверенная воля народов. Зато «деятельность предпринимателей станет такой активной, какой она не была никогда раньше», и «не будет ограничена ничем». Впрочем, речь идет, очевидно, об американских предпринимателях; ибо, как подчеркивает Эмрих, будущая Европа не сможет выдержать конкуренции США в отношении дешевизны товаров и преблагополучным образом превратится к 1975 году в послушный «об'ект» американских монополий, в колонию доллара!

Единственное, что омрачает ученого швейцарского лакея американских монополий, — это «опасность внезапной социальной перегруппировки». Обратите внимание на то, сколь осторожен и даже «грациозен» сей новоявленный пророк в выборе терминологии и как он боится обеспокоить свою клиентуру мрачными предсказаниями. Вот почему демократическую революцию, борьбу свободолюбивых народов, так легко и бездумно отдаваемых им в ярмо американских монополий, он иносказательно именует «внезапной (!) социальной перегруппировкой» и откровенно считает ее весьма опасной для всех тех, кто разделяет его взгляды и одобряет его планы.

Итак, если принять на веру предсказания этого «Нострадамуса XX века», — Европа 1975 года будет представлять собой «единую» американскую колонию, населяемую рабами, ранее, правда, принадлежавшими к семье независимых народов, но затем избравшими своим уделом усовершенствованный по последнему слову техники печной горшок для варки консервированной американской чечевичной похлебки.

Появление книг Вогта и Эмриха весьма симптоматично. Обе они красноречиво характеризуют социальные настроения капиталистического мира и являются литературным и политическим пособием, вполне устраивающим тех, кто сейчас так настойчиво, цинично и нагло старается набросить на весь мир петлю доллара, ярмо рабства.

Louis Emrich. «Europa 1975». Mondialverlag. Zürich.

Новые книги

ГОСЛИТИЗДАТ

Белинский В. Собрание сочинений в трех томах. Т. I. Статьи и рецензии. 1834—1841 гг. 799 стр. Цена 16 р.

Белинский В. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. Статьи и рецензии. 1841—1845 гг. 931 стр. Цена 17 р.

Белинский В. Собрание сочинений в трех томах. Т. III. Статьи и рецензии. 1843—1848 гг. 927 стр. Цена 17 р.

Березко Г. Ночь полководца. Повесть. (Роман-газета). 64 стр. Цена 2 р. 75 к.

Гончаров И. Избранные сочинения. Обыкновенная история. Обломов. Обрыв. 743 стр. Цена 24 р.

Гораций. Избранные оды. 142 стр. Цена 4 р.

Горький М. Жизнь Матвея Кожемякина. 503 стр. Цена 8 р. 50 к.

Горький М. Рассказы. (Массовая серия). 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

Лермонтов М. Полное собрание сочинений. Т. III. Драмы и трагедии. 486 стр. Цена 6 р. 50 к.

Мамин-Сибиряк Д. Рассказы. (Массовая серия). 119 стр. Цена 1 р. 25 к.

Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Книга первая. 131 стр. Цена 5 р.

Нечаев Е. Гутари. Избранные произведения. 175 стр. Цена 4 р. 50 к.

Овечкин В. Повести и рассказы. 340 стр. Цена 6 р.

Обложка полного собрания сочинений Н. А. Некрасова (Гослитиздат). Худ. Н. В. Ильин.

Островский А. Свои люди сочтемся. Доходное место. Волки и овцы. (Массовая серия). 287 стр. Цена 3 р. 50 к.

Салтыков - Щедрин М. Пошехонская старина. (Избранные главы). (Массовая серия). 87 стр. Цена 1 р.

Толстой Л. Два гусара. Метель. (Массовая серия). 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

Украинские народные сказки. 231 стр. Цена 3 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Груздев И. Горький и его время. Т. I. 606 стр. Цена 19 р. 50 к.

Гусейн М. Одной семьей. Повесть и рассказы. 178 стр. Цена 4 р.

Друнина Ю. В солдатской шинели. Стихи. 78 стр. Цена 2 р.

Еврейские новеллы. Сборник. 288 стр. Цена 8 р. 50 к.

Злобин С. Остров Буян. Роман. 587 стр. Цена 18 р. 50 к.

Капусто Ю. Наташа. Повесть. 260 стр. Цена 5 р.

Лифшиц И. Семь дней. Повесть. 156 стр. Цена 3 р. 50 к.

Лежнев И. Михаил Шолохов. 518 стр. Цена 17 р.

Капиев Э. Избранное. 511 стр. Цена 14 р. 50 к.

Каменский В. Избранное. 174 стр. Цена 9 р. 50 к.

Френкель И. Стихи и поэмы. 167 стр. Цена 6 р.

Хелемский Я. В пути. Стихи. 156 стр. Цена 5 р. 50 к.

Шахов А. На разных широтах. Четыре путешествия. 388 стр. Цена 10 р. 50 к.

В серии «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917—1947 гг.» вышли следующие книги:

Бровка П. Стихи и поэмы. 216 стр. Цена 8 р. 50 к.

Лавренев Б. Избранное. 386 стр. Цена 9 р.

Первенцев А. Кочубей. 276 стр. Цена 7 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64 61, науки и техники и отдел писем — К 4-60 02, информации — К 3 19 30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5. Б—02607